



*Меруеинфо*  
**КВИНО**

6 . 1956



Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л  
О Р Г А Н  
М И Н И С Т Е Р С Т В А   К У Л Т У Р Ы   С С С Р  
И   С О Ю З А   П И С А Т Е Л Е Й   С С С Р

6  
И Ю Н Ъ  
1 9 5 6

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Н. ГРОМОВ. Живые приметы наших дней.....	3
Л. ФРАДКИН. Пьеса на экране.....	14
А. СИНЕЛЬНИКОВ. Личные архивы выдающихся кинематографистов .....	24

### *Литературный сценарий*

М. АНЧАРОВ, С. ВОНСЕВЕР. Баллада о счастливой любви.....	30
--	----

### *Обсуждения и дискуссии*

Ан. ВАРТАНОВ. К вопросу о специфике кино.....	76
Кинозрители о специфике киноискусства (обзор писем) 89	

### *Зарубежом*

СТЕФАН ИОН. Кинематография Румынии.....	96
М. БОГОМАЗОВ. У болгарских друзей.....	100
А. БРАГИНСКИЙ. Марсель Карне.....	108
Сезон советских фильмов в Англии * Фильм о герое Китайской Народной Республики * Отовсюду .....	113

Мастер документального кино * «Поэма о море» * Объединение молодых сценаристов и кинокритиков * В Доме кино * Творческая конференция на Киевской киностудии * В киносекции Дома ученых АН СССР * В несколько строк.....	115
---	-----

Календарь истории кино.....	122
-----------------------------	-----

Новые фильмы .....	124
--------------------	-----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ИСКУССТВО»  
Москва

На обложке — кадр из фильма «Первые радости».  
На вклейке — кадры из фильма «Дело Румянцева».

---

# Литературный сценарий

М. Анчаров, С. Вонсевер

## БАЛЛАДА О СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ

1921 год.

Из окна вагона поезда видна станционная вывеска:

*«Ст. Маньчжурия. КВЖД»*

Поезд трогается. Надпись проплывает вправо — и виден царский орел, плохо замазанный известью.

У окна вагона стоят и курят двое: один — в штатском, по виду коммерсант, другой — в военном с отпоротыми погонами.

За окном — голые поля. На горизонте — сопки.

Осенний вечер. Моросит дождь.

Поезд замедляет ход и останавливается.

По коридору проходит проводник.

— В чем дело? Почему стоим?

— Сейчас выясню, господа,— говорит проводник.

— Пятый раз останавливаемся...

— Да-с, времена...

Проводник возвращается.

— Ну, в чем дело, проводник?

— Семафор закрыт... Видать, дорога неисправна.

— А предприняли какие-нибудь меры?

— Как же-с... Туда дрезина пойдет.

— Идемте спать. Дело затягивается.

Домик при дороге.

На рельсах стоит дрезина.

Из домика выходят мужчина и женщина. Они подходят к дрезине.

Мужчина кладет инструменты под сидение.

— Степа... Ты поостерегись...— просит женщина.

— Ладно,— говорит мужчина.— Если стрелять будут близко, вы с Васькой в подпол уходите.

— Как водится,— отвечает женщина.

Мужчина садится на дрезину и уезжает.

Идет дрезина.

Ветер... Осень...

Вдали показывается полоса леса.  
— Стой! Стой!  
На рельсы выскакивают вооруженные китайцы и направляют на Степана винтовки.  
— Ну чего вам? — спрашивает Степан.  
— Поехали, — отвечают китайцы и, вскочив на дрезину, гонят ее к лесу.

Лес распахивает две черные руки, чтобы принять дрезину.  
Дрезина останавливается.  
Слышна перестрелка.  
По шпалам приближается группа людей. Их силуэты четко выделяются на фоне осеннего вечера.  
Подходит командир.  
— Как живешь, Степан?  
— А-а... Чен? Это твои ребята? А я было струхнул. Плохо дело, Чен?  
— Плохо, Степан. Уходить надо...  
— Да-а...  
— Степан, — говорит Чен, глядя в глаза Степану, — помоги...  
— Эх... Чем помочь-то? Нечем.  
Чен машет рукой — и бойцы несут на руках женщину с запрокинутой назад головой.  
— Жена рожает, — говорит Чен, — а еще ранило ее.  
— Вон оно что... Ну давай, клади.  
Чен берет жену на руки и укладывает ее на дрезину. Степан снимает куртку и подсовывает женщине под голову. Потом он влезает сам, и дрезина медленно трогается обратно.

Ночь.  
Выстрелы.  
Комната в доме Степана.  
У постели стоят Степан и его жена.  
Жена держит ребенка и утирает слезы.  
— Господи, молоденькая какая, — всхлипывает жена.  
— Постой, — хмуро говорит Степан и прислушивается.  
Открывается дверь, и входит Чен.  
— Слушай, друг, — обращается к нему Степан, — у тебя дочка...  
— А жена?!  
— Жена умерла...  
— Умерла?! — кричит Чен и бросается к постели.  
...Чен подходит к Степану.  
— Степан... где моя дочь?  
Степан оборачивается к жене.  
— Аня, покажи девочку.  
— Слушай, Чен, — говорит Анна, — пускай девочка у нас живет.  
— Спасибо, Аня... Не могу оставить... уходить надо...  
— Аня, дай девочку, — повторяет Степан.  
— Не дам! Пропадет девчонка! Вояки...  
— Аня! — перебивает ее Степан.  
— Не дам! Замучаете ребенка! Пусть здесь живет!.. А-а-а, маленькая моя... Сиротка...  
— Знаешь, Чен, а ведь жена правду говорит. Подрастет, забережь...  
— Ладно, Чен? — спрашивает Анна.

Чен смотрит в сторону. Глаза его расширены, лоб покрыт потом.  
— Ладно, Аня.  
Он берет девочку. Смотрит на нее и отдает обратно жене Степана.  
— Назовите Мей-хуа... Так звали ее, — говорит Чен, красный командир, и идет к постели.  
Он поднимает худенькое тело мертвой жены своей и несет к выходу.  
— Когда вырастет, расскажите ей про нас с матерью, — останавливается он. — Если буду живой, приеду! — И выходит.  
Плачущая Анна смотрит ему вслед. Степан стоит, обняв ее за плечи.  
— Хороший был человек, — говорит Анна.  
— Может, еще выживет.  
— Степан, принеси Васю.  
— Сейчас, — и Степан открывает подпол. ^  
Анна укладывает девочку к себе на кровать, утирая слезы.  
— Спи, доченька... Спи, сиротка моя...  
Степан вылезает из подпола и выносит двухгодовалого мальчишку, который, посапывая, спит у него на плече.  
Отец несет его на печку.  
— Ну вот, — говорит Анна. — А ты говорил, зачем козу покупать, зачем козу? Вот тебе и «зачем»... Гляди-ка, ночь-то прошла...  
Степан подходит к окну.

Осенний рассвет. Ветреный и дождливый.  
Равнина... Равнина...  
Через рельсы переходит отряд и движется по залитой грязью дороге.  
Около могильного холмика стоит Чен, опустив голову.  
Ветер сечет дождем его лицо. 1;  
Вот порыв ветра прилепил осенний листок ему на щеку, и он поднимает голову.  
Он стоит, сжав челюсти, и смотрит вдаль, и в глазах у него такая мука... Он вынимает маузер, стреляет в воздух и догоняет отряд, уходящий по залитой грязью дороге.

По коридору вагона идет проводник. Поезд трогается.  
— Слава богу, поехали, — раздается сонный голос.  
— Проводник, почему стояли? — спрашивает военный.  
— Дорогу размыло, чинились... — отвечает проводник на ходу.  
— М-да-с... культура, — говорит заспанный штатский и подходит к окну.  
Степан стоит с флажком. Поезд пролетает мимо...

Поезда здесь ходили не часто, примерно раз в месяц...  
И если прошло сто двадцать поездов...  
то, следовательно, прошло и десять лет.  
Все так же Степан Иванович выходит встречать поезда. Он не помолодел за эти десять лет, а дети, естественно, выросли...  
Степан Иванович, проводив поезд, входит в комнату.  
— Аня, дети где?  
Анна Петровна не оборачивается и сердито гремит посудой.  
— Ты громыхать-то громыхай, а на вопросы отвечай все-таки... Машенька его дочь, и он соскучился. Он ей отец... Понимать надо... Когда Чен приезжает?

— Завтра к вечеру обещал... Сколько лет не ехал, а теперь на вот, явился!

— Ты думай, чего говоришь... У него жизнь какая? Человек десять лет воюет.

— И угостить толком нечем. Ты бы к Вану сходил в харчевню.

— К Вану не пойду. Сказано, значит, все... Аня, ты собери нам с Васькой на ночь — пойдем в плавни, куликов настреляем, дичинкой угостим... Ты детям не говори ничего. Они привыкли... знаешь...— говорит Степан Иванович и глядит в окно, освещенное солнцем.— Пойду Ваську покличу.

Жаркий солнечный день.

В тени, на задворках у пакгауза, в лопухах, расположились трое. Это Васька, Мей-хуа и Сяо Гуй, их приятель.

Васька читает драную до невероятности книгу:

«Тогда Джон сказал графу, глядя на кошмарный труп графини: «Клянусь отдать свою молодую жизнь за друга своего»,— и он протянул графу руку и поцеловал его смертным поцелуем...».

— Вася, а что такое смертный поцелуй? — спрашивает Мей-хуа.

— Ну... это... как его... крепкий поцелуй,— отвечает Васька.

— Васька!..— раздается голос отца.

— Васька, тебя зовут,—говорит Сяо Гуй.

— Ага. Завтра дочитаем,— вскакивает Васька.

— Сяо Гуй, ты опять приходи,— говорит Мей-хуа.

— Ладно. А ты, Васька, мне читать покажешь?

— Научу,— обещает Васька.

Сяо Гуй уходит.

— Вася,— говорит Мей-хуа,—давай всегда будем вместе.

— Давай,— отвечает Васька.

— Вася, а девочка может быть друг? — спрашивает Мей-хуа.

— Не может, — твердо заявляет Васька.

— Вася... А я?

Голос Васьки звучит неуверенно.

— Не можешь.

— Значит, я враг?

— Ну ты... это... как его...

— А я, значит, враг? — повторяет Мей-хуа. Глаза у нее наполняются слезами, и она отворачивается.

— Маша... А Маша... — растерянно говорит Васька.— Ты не плачь...

Ладно, ты будешь друг... Не плачь, Маша.

— Я буду друг? — спрашивает Мей-хуа.

— Ага... Маша, идем домой, папаня заругает.

— Честное слово, я буду друг?

— А ты можешь отдать за меня свою молодую жизнь? — в свою очередь спрашивает Васька.

— Могу. А ты можешь отдать за меня свою молодую жизнь?

— Могу,— отвечает Васька.

— Поклянись, — говорит Мей-хуа.

— Честное слово разбойника, — отвечает Васька.

Мей-хуа робко протягивает руку, и Васька берет ее.

Они смотрят друг на друга и внезапно отводят глаза... Но рук они не разъединяют.

— Васька,— раздается голос отца. — Васька, где ты?

Васька выдергивает руку и, не глядя на Мей-хуа, бежит к дому.

Жаркий день. Очень пыльно. Улица около базара в маленьком маньчжурском городке. Лавчонки. Харчевни. Одна из них покрупнее—это «ресторан с русским уклоном». А вот и его вывеска: «Владивостокские землячки. Водка и всякий закус».

— Сяо Гуй! — раздается яростный крик.

Сяо Гуй перелезает через забор.

— Попался, — говорит Ван Ю-фын, мальчишка противного вида, с торчащими ушами, и бьет Сяо Гуя по шее.

— Куда ходил?

— Никуда...

— Сяо Гуй! — еще яростнее раздается крик.

— Сейчас отца позову, — грозит мальчишка.

— Не зови, я скажу, — говорит Сяо Гуй.

— Ну?

— Я к Ваське ходил.

— К русским ходишь. Зачем, говори, зачем?

— Он меня читать научит.

— Вот ты где, проклятый чертенок! Вот ты где, отродье черепахи! — рычит выбежавший хозяин, стегая Сяо Гуя мокрой тряпкой. — Гости ждут! Подавать некому! Собака!

— Отец! Он к советским ходил.

— Гости ждут, подавать некому, а этот змееныш ходит к врагам Китая! — И хозяин уволакивает Сяо Гуя в дом.

Рассвет.

Берег реки, заросший камышами.

Мей-хуа идет по берегу, держа в руке лилии за длинные стебли.

Из камышей выплывает лодка. Васька гребет. Степан Иванович сидит на корме.

— А Машенька-то наша красавицей растет,— говорит Степан Иванович и вздыхает.

Васька заволновался и начал отгребать в сторону.

— Куда... куда гребешь? Ты смотри, куда гребешь! — сердится отец.

Лодка утыкается в берег.

— Ступай помойся, да поди у матери рубаху новую возьми.

— Зачем, папаня?

— Сниматься пойдем на карточку...

— Чего?

— «Чего, чего!»! Делай, что говорят.— Степан Иванович выходит из лодки и несет дичь домой.

...А в доме мать причесывает Мей-хуа.

— Вот так... Вот так... Ах ты, мое солнышко. Ах ты, моя доченька...

— Тетя Аня, а зачем переодеваться?

— Пойдем сниматься на карточку.

— Как хорошо-о... Тетя Аня, а Вася пойдет?

— Все пойдем, доченька,— отвечает Анна Петровна.

Жаркий полдень. Короткие тени фанз.

По пустой пыльной улице, ведущей к базару, идет семья Чоботовых. Степан Иванович — в новом костюме, Анна Петровна — в новом платье. Впереди них шествуют причесанные, умытые и переодетые Васька и Мей-хуа с бантом в волосах. Васька идет вспотевший, несчастный и готовый провалиться сквозь землю. Кто из нас в детстве не переживал такого позора? Поэтому нам понятно его состояние. Процессия идет мимо

ресторана «Владивостокские землячки», на пороге которого стоят Ван Ю-фын и Сяо Гуй. Ван таращит глаза от изумления. Потом он кричит:

— Васька!

Васька быстро оборачивается... Но Степан Иванович говорит:

— Давай-давай, не глазей по сторонам.

И процессия шествует дальше, туда, где нарастают шум и крик.

Китайский базар. Крик разносчиков. Пронзительные свистки кипя-  
тильников. На жаровнях шипят пончики. В котлах варят лапшу, которую,  
кстати, и делают тут же на глазах, взмахивая в воздухе длинными ее  
гроздьями. Овощи. Крашеное мясо. Лотки. Палатки. Навесы. Свет и тень.  
Пыль и мухи. У кирпичной стены — фанерный щит, заклеенный бес-  
численными фотокарточками. У щита фотограф нырнул в черный рукав  
своего ящика, тоже заклеенного фото. Перед ящиком, на фоне озера  
с лебедями и пальмами, подобно каменным изваяниям, застыло все семей-  
ство Чоботовых. Вокруг толпится народ и комментирует эту тягостную для  
Чоботовых процедуру. В толпе стоят Ван Ю-фын и Сяо Гуй в переднике.  
Ван Ю-фын, сощурившись, оскалив зубы и вытянув шею, смотрит на  
происходящее, затем оборачивается к Сяо Гуо и говорит:

— Зачем тебе учиться писать по-русски у чужих людей? Я тебя сам  
научу.

— Правда, Ван, научишь? — спрашивает Сяо Гуй.

— Конечно. Отец говорит, в русском ресторане все должны писать  
по-русски. Я тебя сейчас начну учить.

Ван Ю-фын пишет несколько слов на бумажке и говорит Сяо Гуо:

— Иди и нарисуй эти знаки на стене пакгауза. Только знаки делай  
большие. Вот такие,—и Ван разводит руки.— Если нарисуешь правильно,  
я научу тебя их прочесть... И жди меня там.

— Ладно, Ван, — и Сяо Гуй убегает.

Когда процессия проходит мимо пакгауза, возвращаясь домой, Вась-  
ка в ужасе видит, что около стены стоит Сяо Гуй и старательно выводит  
извечную формулу мальчишеского бесчестья: «Мей-хуа + Васька =  
любовь».

И поэтому, когда все входят в калитку, Васька остается снаружи. Он  
подбегает к Сяо Гуо, который смотрит на него, улыбаясь, и бьет его по  
лицу. Сяо Гуй стоит неподвижно, осознавая происшедшее, потом кидается  
на Ваську. Завязывается драка. Подбегает Ван с мальчишками, они  
окружают дерущихся.

За столом сидят Степан Иванович, Анна Петровна и Чен, рядом  
с которым стоит Мей-хуа, всматриваясь в его твердое лицо.

— Как я тебе отплачу, Аня? — спрашивает Чен.

— За мою дочку мне же и платить,— говорит Анна Петровна.—  
Машенька у меня доченька, Машенька у меня светик ясный.— Анна Пет-  
ровна притягивает к себе Мей-хуа.— Как же расставаться будем...  
гос-споди! Живешь... привыкаешь. А потом... На вот... Проклятая эта  
жизнь.— Анна Петровна всхлипывает.

— Аня, слушай,— говорит Чен,— Мей-хуа поживет со мной, потом  
я ее привезу сюда, если примете.

— Гос-споди... «Примете!..» — восклицает Анна Петровна, обнимая  
Мей-хуа.

— Я приеду сюда, папа? — спрашивает Мей-хуа, глядя на Чена от-  
чаянными глазами.

- Приедешь, Мей-хуа.  
— Можно, я Васе скажу?  
— Скажи,— говорит Чен, и Мей-хуа бежит к дверям.

По дорожке к дому, через огород, идет Васька. Глаз у него подбит, из носу течет кровь, которую он вытирает остатками рукава новой рубашки.

Мей-хуа подбегает к нему.

— Вася!

Васька не отвечает и проходит мимо.

Мей-хуа бежит рядом и со страхом заглядывает ему в лицо.

— Вася... постой!...— и берет его за руку.

И в это время хор мальчишек начинает кричать из-за забора:

— Тили-тили тесто, жених и невеста, тесто засохло, а невеста сдохла.

Васька с яростью оборачивается.

Мей-хуа хватается за руку.

Тогда Васька бешено отбрасывает от себя руку Мей-хуа, кричит:

— Это из-за тебя все, — и толкает ее.

Внезапно на крыльцо выходит Степан Иванович. Он видит, как Васька замахивается на Мей-хуа, лежащую на земле. Возмущенно ахнув, он в два прыжка оказывается около Васьки, хватается за шиворот и начинает бить ладонью по заду.

—• Дядя Степа, не бей! Не бей, дядя Степа! — кричит Мей-хуа и повисает на руке Степана.

Степан Иванович останавливается, и Васька, оставив клоч рубашки в руке отца, убегает прочь.

И когда после бесчисленных поцелуев Мей-хуа с Ченом усадили на повозку...

...и двуколка, запряженная толстой лохматой лошадкой, закачалась по вечерней дороге...

...Мей-хуа еще раз сложила руки и крикнула:

— Ва-ся!..

Но Васька не отозвался.

Он сидел на заднем дворе в лопухах и крапиве, у высокой бревенчатой стены, у той самой стены, на которой виднелась полустертая надпись: «Мей-хуа + Васька = любовь».

Да это, может, и вправду любовь?

Впрочем, судите сами. Ведь прошлое четыре года. Васька вырос и возмужал. Ему шестнадцать лет. И забыл ли он свою маленькую подругу?

Вот он с парнями стоит у дверей ресторана «Владивостокские землячки», но только теперь он называется «Врадиво», потому что в Маньчжурию пришли японцы.

— Бандиты в уезде появились, — говорит Сяо Гуй.

— Дурак... Какие бандиты, это партизаны, — отвечает Ван Ю-фын.

— Ну, партизаны... Атаман-то у них Чен... Навлекут они несчастье на нас. Японцы карателей пришлют...—говорит Сяо Гуй.

— Какой Чен? — спрашивает Василий негромко.

— Ну что ты, Чена не помнишь? — удивляется Сяо Гуй. — Отец Мей-хуа... Маши, что у вас жила.

Василий молча стоит. Он в сапогах, на нем пиджак, небрежно накинутый на плечи. Лицо его спокойно.

— Может, и она теперь приедет? — замечает Ван Ю-фын.

— Ну, давай прощевай, — помолчав, говорит Васька. — Мне домой пора.

— Заходи, Васька. Отец вкитролу купил, пластинки послушаем, выпьем... — предлагает Ван Ю-фын.

— Ладно. Не помираем еще, — и Васька уходит.

— Скоро их всех выгонят отсюда к дьяволу, — бросает ему вслед

Ван.

— А дорогу японцы заберут? — спрашивает Сяо Гуй.

— Не японцы, а Великое Маньчжоу-го.

Василий медленно идет домой. На глазах у парней он лениво доходит до угла... и, свернув за угол, бежит вдоль по улице, поднимая пыль сапогами.

Васька бежит во весь дух.

Громыкает сапогами по мостику.

Перепрыгивает через глиняные заборы.

Мчится по узенькой улочке, распугивая черных свиней, к железнодорожному полотну.

Голова и плечи его проносятся за низким забором — и вот, рванув на себя калитку, он появляется во весь рост.

Вбегает в дом.

Останавливается тяжело дыша, и вдруг отворачивается к окну.

Мать говорит:

— Что ж не здоровкаешься? Смотри, приехал кто!

Василий не отвечает.

— Или со света не видать? Машенька приехала!

Василий молчит.

Молчит и Мей-хуа.

— Ну вот что, — говорит Степан Иванович. — Вам, видать, знакомиться надо. Ступайте-ка во двор. На ветерке разберетесь, — и выпроваживает Ваську и Мей-хуа.

Вечереет.

Пустынная дорога.

По дороге, смотря прямо перед собой, идут Васька и Мей-хуа.

Мей-хуа искоса взглянула на Ваську.

— Здравствуй, Маша, — хрипло говорит Василий и, не глядя, протягивает руку.

— Здравствуй, Вася, — еле слышно говорит Мей-хуа и берет его руку.

Так, держась за руки и все убыстряя шаги, они пересекают пустырь и останавливаются у старого пакгауза.

— Узнаешь место? — задыхаясь, выговаривает Васька.

Мей-хуа не может произнести ни слова. У нее так колотится сердце, что она только кивает головой и, прислонившись к стене, закрывает глаза.

— Ты что? — с испугом спрашивает Василий и поддерживает ее за руку.

Она поднимает на него глаза.

Секунда — и они кинулись в объятия друг друга.

Стоять они не могут... и садятся на землю, не прерывая поцелуя.

— Маша, а помнишь, за что я подрался здесь?

— Помню, — говорит Мей-хуа, закрывая глаза, и Васька опять целует ее.

Но вот Васька замечает, что Мей-хуа дрожит.  
Васька вскакивает.  
— Идем домой, Машенька, тебе холодно.  
— Что ты, это я так...  
Но Васька поднимает ее, и они опять целуются.  
Васька снимает пиджак и накидывает его на плечи Мей-хуа.  
— Вася, увидят...  
— Ты боишься?  
— Я ничего не боюсь. Вот я не знаю, как ты...  
— Я?!.. Я теперь... да я теперь... Хочешь, я на весь город закричу: я люблю Машеньку! А? — шепотом говорит Васька. — Хочешь?.. Подожди...  
Василий оглядывается кругом. Подбирает кусок штукатурки и пишет на стене пакгауза старую обидную формулу: «Мей-хуа + Васька = любовь».  
Васька оборачивается и видит, что полные слез глаза Мей-хуа сияют. Опять Васька целует ее, и они идут по дороге, взволнованные и счастливые.

В комнату входит Степан Иванович. Он снимает куртку со стены, фонарь, флажки и оборачивается к Анне Петровне, которая сматывает нитки на клубок.

— Говорят, дорогу продавать будут. Может, и правильно. Говорят, за Харбином совсем житья не стало, как японцы пришли.

— Слава богу, сюда не достигало.

— Надолго ли.

— Гос-споди! Живем, никого не трогаем.

— Ну как «не трогаем»? Мы — советские... Это все понимают...

Дети где?

— Васька — не знаю, а Машенька в огороде.

— Ты за ней присмотри... Время такое... — и Степан выходит.

Анна Петровна задумалась.

Входит Мей-хуа.

— Тетя Аня, я все сделала.

— А? Ну, умница. Ты вот что...

— Что, тетя Аня?

— Машенька, доченька, ты Ваське не поддавайся. Ты ему воли не давай, он ведь дурной еще...

— Хорошо, тетя Аня... — отвечает Мей-хуа, затуманившись.

— Ты еще молоденькая, долго ли до беды!...

— Ладно, тетя Аня.

— Ты сегодня не ходи никуда. Посиди со мной.

— Ладно, тетя Аня.

— Посидишь со мной? Вот умница. А то нехорошо, люди говорить будут. Ты свою честь береги. Ты куда смотришь? — говорит она Машеньке, которая смотрит в окно.

— Это я так... Тетя Аня, я... давайте что-нибудь делать буду.

— Да вот садись, будем нитки мотать. Держи руки.

Анна Петровна берет клубок и начинает сматывать нитки с рук Мей-хуа. Мей-хуа, притихшая, сидит у ног Анны Петровны.

— Машенька, — доносится издалека голос.

Мей-хуа резко поднимает голову, секунду смотрит на окно и так же резко опускает голову.

— Машенька! — громче доносится голос.

— Никак зовет кто? — Анна Петровна оглядывается на окно.

— Машенька!!..

— Уж не тебя ли кличут? — спрашивает Анна Петровна и поворачивается к Мей-хуа.

Мей-хуа сидит, изо всех сил зажмурившись и протягивая вперед маленькие руки с растопыренными пальцами, на которых натянута пряжа. Анна Петровна видит ее послушанье и вздыхает.

— Машенька!!!

— Ишь, выкликает! — сердится Анна Петровна. — Хоть бы людей постыдился, бессовестный!.. Ну поди, поди уж... — говорит она Машеньке.

Мей-хуа вскакивает, секунду стоит, глядя на Анну Петровну, и летит к дверям.

— Стой!.. Стой!.. — кричит Анна Петровна, снимая с себя платок.

Мей-хуа останавливается.

— Платок возьми, безумная, холодно на дворе-то, — и Анна Петровна накидывает платок на плечи Мей-хуа.

Мей-хуа исчезает.

Анна Петровна поднимает моток.

— Доченька, все ты мои нитки перепутала... Ишь, побежала как, — говорит она, глядя в окно.

Мей-хуа бежит по дорожке.

Ветер относит назад ее волосы, платок слетает с плеч и падает в траву. Она пробегает через огород и выбегает из калитки прямо на нас и на Степана Ивановича. Не останавливаясь, бежит дальше.

Степан Иванович смотрит ей вслед и видит, как к ней навстречу бросается Василий и, подхватив в объятия, целует ее в полуоткрытый рот, не дав отдышаться. Степан Иванович затворяет качающуюся калитку и идет по тропинке к дому.

Он подбирает платок с травы и задумчиво входит в дом.

— На вот платок, — говорит он жене, — чего бросаешь?

— Так, уронила, — отвечает жена. — Ты что это... какой?

— Васька очумел совсем — Машеньку при всех целует...

— Так ведь у них любовь, Степа.

— Надо бы Ваську попридержать.

— Как же, удержишь вашего брата, — говорит Анна Петровна, смотря снизу в глаза мужа и прижимаясь к нему.

А Мей-хуа и Васька идут в высокой траве, держась за руки и глядя друг другу в глаза.

— Вася!

— Что, Машенька?

— Мы всю жизнь будем вместе?

— Всю жизнь, — говорит Васька. — Идем домой, Машенька, туча какая и гром, слышишь?

— Еще немножко, Вася.

И они, обвеваемые свежим ветром, выходят на вершину холма.

...А внизу

...на фоне черного дыма

...по пояс в белой пшенице

...идут редкими цепями люди в стальных шлемах.

За ними орудия в дыму и пламени.

А выше — черные силуэты японских самолетов на фоне серого неба.

Это идут каратели...

Это идет смерть...

Желтый закат.  
Небо... Высокое небо.  
Стрелы солнца пронзают кровавое облако.  
На фоне неба столбы с колючей проволокой печатаются черными силуэтами.

На плоской пересохшей земле сгрудились оборванные люди — русские и китайцы.

Мей-хуа и Васька сидят около лежащего на спине Степана Ивановича.

Но почему он такой бледный, маленький и худой? Потому что Степан Иванович умирает.

— Машенька, — говорит Степан Иванович. — Вам с Васькой бежать надо.

— Куда же мы без вас, дядя Степан?

— Я помру сейчас...

— Дядя Степан, не говори так... я боюсь.

— Аннушки нет, и я за ней... А вы бегите, а то разделят вас. Прямо к дядьке поезжайте... Во Владивостоке живет... А то как отправлять будут... Машеньку не пустят...

— Как — не пустят?... Что ты, папаня?

— Она не советская подданная...

Из казармы выбегают японские солдаты и идут к людям.

— Татэ! — кричит поручик, и люди начинают подниматься.

Поручик подзывает Ван Ю-фына и говорит ему что-то.

Ван кричит:

— Поручик Маэда приказал все китайцы перейти на правую сторону, а все русские — на левую.

Мей-хуа и Васька переглядываются.

— Опоздали, — говорит Мей-хуа, и они смотрят на Степана Ивановича.

Степан Иванович поднимает веки.

— Вася... помираю... Не забывай нас с мамой... Бегите, — еле слышно шепчет он, и голова его откидывается.

... Резкая пронзительная нота звенит над колючей проволокой. Плачь, труба!.. Кричи в яростное оранжевое небо!.. Это в дальнем краю... в чужой земле... умер советский человек.

Это отец твой, Василий.

Василий... Василий... будешь ли ты таким?

...Люди встают и начинают переходить: китайцы — направо, русские — налево.

Мей-хуа и Васька прячутся за спины людей.

— Вперед! — командует поручик Маэда, и цепь китайцев, опустив головы, идет мимо толпы русских, которые молча смотрят, как разделяют два народа.

— Прощай, Иван Иванович, — говорит пожилой китаец, протягивая руку седому железнодорожнику.

— С-са! — кричит бородатый солдат и бьет по рукам китайца и русского.

Он вглядывается в толпу русских и, оттолкнув седоволосого, вытаскивает Мей-хуа, швыряет ее к китайцам и уходит.

Ван и Сяо Гуй подхватывают ее и ставят в цепь.

— А!.. — вскрикивает Васька и кидается вслед.

Но на него наваливаются русские и зажимают ему рот.

Цепь китайцев движется мимо.

В затылок друг другу идут Ван Ю-фын, Мей-хуа, Сяо Гуй. Они идут мимо раскрытых ворот.

От казармы отъезжает автофургон с броской надписью: «Пиво Асахи» — и едет на людей в открытые ворота, прямо на Мей-хуа, которая идет, как слепая.

Сяо Гуй хватает ее за руку и останавливает.

Ван проскакивает вперед.

Автофургон медленно въезжает в ворота, разделяя китайцев.

Сяо Гуй оглядывается и видит, что всю охрану загордил фургон.

Рванув за руку Мей-хуа, он стремительным шепотом произносит: «Куай цзоу! Цзоу-ба!» — и показывает на щель между фургоном и воротами.

Мей-хуа, задохнувшись, берется за грудь и кидается в просвет.

В этот момент железнодорожники отпускают извивающегося Ваську, который видит все это.

— Живее, — шепчет седоволосый, и Васька пулей влетает в узкий просвет.

Он камнем падает в кювет, увлекая за собой Мей-хуа, и они скрываются под мостками, через которые проезжает автофургон. И так как на японских автомашинах руль с правой стороны, то шофер ничего не замечает. Все это длится несколько секунд.

Машина проезжает.

Бородатый солдат заносит козлы, оплетенные колючей проволокой, и закрывает проход.

Китайцы шагают дальше.

Ван оборачивается и, взглянув на Сяо Гуя, который отводит глаза, начинает вертеть головой, отыскивая Мей-хуа. Ошеломленный, он раскрывает рот, останавливается. К нему подбегает солдат в очках.

Но в этот момент раздается голос, на который оборачиваются все. Это седой железнодорожник запекает «Интернационал». К нему присоединяется еще голос... еще... На звук песни помчалась охрана.

И вот «Интернационал» начинает петь весь лагерь, избиваемый и разлучаемый, но не сдающийся и, значит, непобедимый.

Все это слышат Мей-хуа и Васька, которые, обдирая в кровь колени, хрипя и задыхаясь, ползут по кювету.

Вот они поднялись.

На секунду мелькнули на фоне багрового заката и ушли в плавни...

Граница.

Сухой, пыльный пасмурный день.

Пограничная застава готовится встречать репатриантов.

Выстраивают бойцов, проверяют подворотнички, заправку ремней.

Арка, украшенная зеленью и флажками.

Раздаются звуки вальса. Это под духовой оркестр танцуют заводские делегаты с делегатами из пограничных колхозов, пришедших для встречи. Около грузовика-буфета грозный профсоюзный работник командует девушками в белых халатах. Стоят столы и длинные скамьи. На белых скатертах — тарелки.

— Товарищи! Товарищи! Кончайте игрушки, — хлопая в ладоши, кричит профсоюзный работник с бесчисленными значками на пиджаке.

Оркестр стихает.

— Становитесь в колонну, товарищи!

Рабочие и колхозники выстраиваются в развернутую колонну лицом к границе. Вперед выходят руководители, перед ними становится старик с хлебом и солью. Разворачивают плакат.

— Идут, — сообщает командиру подбежавший связной, и все взоры обращаются в сторону маньчжурской границы.

Вот из-за строений маньчжурской заставы показывается колонна людей и медленно направляется к нам. Рядом едут легковая машина и грузовик с брезентовым верхом.

— Смирно! — кричит командир и берет под козырек.

— Ур-ра! — кричат делегаты и машут руками и платками.

Оркестр начинает играть «Интернационал».

Все ближе подвигается колонна...

Все ближе...

И растерянно перестают махать платки.

Плакаты опускаются.

Оркестр начинает играть вразнобой и, задохнувшись, останавливается, потому что приближается толпа оборванных и изможденных людей, еле передвигающих ноги.

Они идут, держась друг за друга, и что-то кричат слабыми голосами.

И старик роняет хлеб.

— Батюшки, — в ужасе восклицает женщина.

Командир, опустив руку, хмуро идет вперед.

Подъезжает машина, из которой вылезает Маэда.

Он кокетливо улыбается, обнажая лошадиные зубы и, направляется к командиру.

— Что это? — спрашивает командир.

— Но-о... — тянет Маэда. — Они немноско-о похудери... от дарекого дороги... Но-о... Они немноско-о поправятся у вас...

— Они немножко поправятся у нас, — подтверждает командир, и плачущие люди кидаются обнимать друг друга.

В этот момент крики на маньчжурской заставе привлекают всеобщее внимание.

Из-за строений показываются Васька и Мей-хуа и бегут к границе.

Наперерез им кидается солдат и хватает Мей-хуа.

Васька мгновенно останавливается и сшибает солдата с ног.

Выскакивает второй — Васька сшибает и второго.

Но когда Васька и Мей-хуа бегут к границе, солдат стреляет им вслед.

Советские пограничники оцетиниваются штыками.

— Немедленно прекратить стрельбу, — бешено говорит командир.

Маэда свистит в свисток.

Василий и Мей-хуа приближаются к нашей границе.

— Что это за люди? — спрашивает командир у Маэды.

— Они совершили бегство, — говорит Маэда.

— Это наши!.. Это наши!.. — кричат люди с КВЖД, и Васька и Мей-хуа оказываются между японцами и советскими.

— Ты советский? — спрашивает командир Ваську.

— Советский, — отвечает Васька.

— Это советский гражданин, пропустить, — говорит командир.

Маэда оглядывается назад. Из грузовика Ван Ю-фын делает ему знаки. Маэда загораживает Мэй-хуа дорогу.

Секунда — и ее отводят назад.

Васька оборачивается на крик Мей-хуа, которую тащат к машине.

— Это китайский гражданин, — говорит Маэда.

Васька кидается вслед, но его удерживают японцы.

Он вырывается, бежит за машиной...

А из машины доносится крик: «Вася!! Вася!!...» — и видна отбивающаяся Мей-хуа.

Васька бежит вслед.  
Но грузовик набирает скорость, обволакивается синим дымом и мчится к маньчжурской границе.  
Задыхающийся Васька падает в пыль руками вперед.  
Руки его судорожно сжимают пыль и замирают...  
Подбегают пограничники.  
Они поднимают его и несут обратно мимо пограничного столба, кладут на скамью.  
Маэда садится в машину и уезжает.  
Васька открывает глаза, резко поднимает голову, вскакивает, вырывает у бойца винтовку и со штыком наперевес мчится в сторону Маньчжурии.  
Лицо командира.  
— Он с ума сошел! Догнать его!  
Его догоняют. Отбирают винтовку и ведут назад.  
Он волочится по земле, рубаха его задралась, и он кричит:  
— Машенька!! Машенька!!  
Его уводят...  
Молодой пограничник, стиснув зубы, выхватывает гранату и грозит ею в сторону маньчжурского поста.  
Командир говорит:  
— Красноармеец Гриценко, двое суток ареста.  
Боец опускает гранату и хмуро смотрит на командира.  
У командира по щеке катится слеза.

Большая комната.  
На кроватях лежат беженцы, дожидаясь отправки в родные места.  
Входит командир и спрашивает у седого железнодорожника:  
— Ну, как Василий?  
— Плохо, Николай Васильевич. Не хочет ехать. Говорит, здесь останусь.  
— У него родня есть?  
— Нет никого. Все в лагере убиты. Дядька есть во Владивостоке. Да он его и в глаза не видал.  
Командир отворяет дверь и входит в соседнюю комнату.  
...В комнате дым до потолка и груды папиросных окурков.  
На железной кровати сидит Василий.  
Он положил локти на колени и уперся подбородком на руки.  
Сидит с папиросой во рту, лихорадочными глазами уставясь в плохо побеленную стену.  
За окном ночь.  
Подходит командир.  
Василий смотрит на него со злобой.  
Командир садится рядом с ним, берет с пола пачку папирос и закуривает.  
— Вот что, Василий, — говорит командир, — тебе здесь нечего делать. Тебе надо ехать во Владивосток и хлопотать там. Денег я тебе на дорогу дам. Жить будешь у моих, нечего тебе дядю разыскивать. Дам я тебе еще письмо — у меня знакомые в Наркоминделе. Может, они тебе помогут. Потом я сам приеду. Давай поезжай!  
Васька опускает голову.

Василий поднимает голову и смотрит в окно.  
А за окном проносятся осенние дачи.

Перроны с навесами и киосками.

Дежурные с флажками.

— Поезд подходит к Владивостоку,— объявляет вагонный репродуктор.

По радио передают марш. Поезд подкатывает к высокому перрону. В вагоне темнеет. Встречающие кидаются к окнам. Женский голос кричит:

— Дети! Дети! Смотрите, папа!

Люди двигаются к выходу, оставляя на лавке растерянного Василия с чемоданчиком.

— Молодой человек, приехали, — говорит проводник, и Василий нерешительно идет к дверям.

Василий идет по вокзалу.

Из огромных репродукторов несется концерт Шумана.

Развешаются знамена около памятника Ленину, в привокзальном сквере, и на транспарантах стоят цифры:

1 9 1 7 - 1 9 3 7 .

Огромный незнакомый город за стеклами вокзала.

Встречи... встречи...

Поцелуи... поцелуи...

Встретившиеся проходят мимо.

Люди проходят мимо.

Радость проходит мимо.

Жизнь проходит мимо.

— Берегись! — кричит человек на электротележке, и Василий отступает к паровозу.

Он стоит у паровоза, сын железнодорожника. Могучее тело паровоза покрыто салом и паром, и красные очи колес смотрят Василию в спину.

— Что, сынок, Владивостока спугался, — говорит спустившийся машинист. — Ступай. Владивосток — добрый город. Ось побачишь.

...И Василий выходит на площадь из дверей с надписью «Камера хранения».

Он выходит растерянный на широкую привокзальную площадь.

А по площади...

в реве баянов...

в пестром ситцевом танце...

в цветах, лентах и флагах...

движется людская река...

и оркестры, задыхаясь, стараются идти в ногу.

Это Владивосток празднует двадцатую годовщину человеческой жизни на этой земле.

В хорошее время попал Василий во Владивосток. Он идет, ошеломленный, навстречу движению, и его задевают люди и цветы.

— Молодой человек, вы нарушаете строй. Вставайте в колонну!.. — кричит ему толстый дядя с повязкой на рукаве. — Вы что, в ногу ходить не умеете?

— Умею, — тихо отвечает Василий и встает в строй.

Это выглядит очень многозначительно и даже символично, и если бы фильм тут кончался, то это была бы красивая концовка. Но это жизнь, и поэтому, когда демонстрация расходится, Василий опять остается один на пустеющих улицах.

Конечно, он встал в строй чисто символически. На самом деле он еще не в строю. Но он уже кое-что понял. Что он понял — словами не скажешь. Но сердце — знает.

Тихий вечер... Пустеют улицы...  
Бумажки и конфетти сметены ногами к тротуарам.  
По улице проходит одинокий оркестр, и музыка затихает вдали.  
Василий оглядывается по сторонам и останавливается.  
После пыльной, серой границы Василий попадает во влажный Владивосток.

Город сбегает к морю.  
...Василий входит в круто поднимающийся вверх переулок, освещенный закатом, и идет вправо, туда, где стоит дом с косым кирпичным фундаментом.

Кирпичи пламенеют на закате, и на них сияет надпись мелом: «Надя + Витя = любовь».

Эта надпись проплывает в кадре мимо самого лица Василия, но он как-то не замечает ее... Во всем мире мальчики и девочки любят друг друга.

На вытоптанном газоне четверо ребят играют в демонстрацию. Увидев Василия, дети перестают играть и смотрят на него.

- Вам кого, дядя? — спрашивает мальчик.
- Мне к Степановым, — отвечает Василий.
- А его нету, он уехал, — говорит другой.
- Это к Надьке Степановой, — вмешивается третий.
- А к ней сейчас один пошел, — говорит первый.
- Ну и что ж! Ну и что ж! — перебивает девочка.
- Вот в это парадное, — показывают дети, и Василий идет к дверям.

Заливается звонок.  
— Сейчас... Господи, сейчас... — говорит старушка и бежит по коридору.

Она пытается открыть английский замок, но мокрые руки скользят. Она вытирает фартуком руки.

А звонок звонит.

...Молодой человек с изумлением смотрит на Василия и решительно отрывает его руку от звонка.

Василий гневно поворачивается, но в этот момент дверь открывается и показывается старушка.

— Ить это што такое... так звонить, а!? — возмущается она. — Надя! Женихи пришли!.. — поворачивается и уходит.

- Бабушка, — укоризненно говорит Надя, появляясь в дверях.
- Это, конечно, Витя Козлов так названивает?
- Ага, — кивает молодой человек.
- Ну, конечно... Витя Козлов — человек гордый.
- Это я звонил, — говорит Василий.
- Что же вы его защищаете? Вот еще...
- Послушайте, он ни при чем. Он меня и не знает совсем... Я принес вам письмо от майора Степанова... И все... Вот письмо... И все...
- От папы! — кричит Надя и хватается Василия за руку.
- От папы! — кричит Витя Козлов и вталкивает Василия в дверь.
- Простите, пожалуйста, я сейчас, — говорит Надя и убегает в другую комнату.

...Надя быстро разрывает конверт и пробегает коротенькое письмо, где говорится в конце:

«Это мой приятель. Зовут его Вася Чоботов. Он теперь поселится во Владивостоке, а пока будет жить у нас. Примите его хорошо. Я скоро приеду, разберемся, как с ним поступать дальше. Расспросами его не тормо-

шите. Расскажет, что сам захочет. Покажите ему Владивосток. Целую. Твой папа».

Надя задумчиво держит письмо, потом выходит из комнаты, но Василия нет в коридоре.

Долго идет Василий и выходит на окраину города в районе Первой речки.

На пустыре с пыльной, затоптанной травой, в окружении сараев и голубятен стоит двухэтажный каменный дом.

Две тощие заржавленные железные колонки поддерживают навес над входом. Дверь давно, с незапамятных времен, снята с петель, новую никто повесить не позаботился, и потому вход в дом напоминает пролом в стене.

Василий входит в подъезд с исписанными стенами и выступающими кирпичами и по лестнице без перил поднимается на второй этаж.

Он подходит к двери, обитой рваным войлоком, и останавливается. Прислушивается.

За дверью раздается неопределенный шум и тренькание гитары.

Он стучит в дверь.

Шум за дверью немедленно прекращается.

— Кто? — спрашивает негромкий голос.

— Отворите, — говорит Василий.

— Ну, а кому отворить-то?

— Мне Шуваев нужен Кирилл Петрович.

— Сейчас отворю.

Дверь открывается. На пороге стоит человек небольшого роста, и лицо у него пыльное.

— Вам что угодно?.. Тебе чего? — поправляется он, разглядев Василия.

— Мне Шуваева.

— Ну, я Шуваев.

— Дядя Кирилл... Я вашей сестры сын...

— Какой сестры? Анютин сын? — спрашивает тот с удивлением.

— Ну да...

— Здорово, — тянет дядя Кирилл. — Здорово... Откуда же ты взялся?

— Из Маньчжурии...

Дядя Кирилл быстро оглядывается.

— Вон что... Здорово... Здорово... Ну и чего же тебе нужно?

— Я у вас остановиться хотел, дядя Кирилл.

— Ну и чего же тебе нужно от честного человека?.. А вам, собственно, чего? — спрашивает он у женщины, которая, поднимаясь по ступенькам, остановилась около двери и с любопытством прислушивается.

— Ну в чем дело? А? — раздается голос из комнаты. — Пришел, что ли, кто?

— Жора, это свои, — говорит дядя Кирилл и впускает Василия. — Ну-ка... — и он, отстранив женщину, захлопывает обитую войлоком дверь перед ее носом.

— Тьфу, спекулянты проклятые, — женщина плюет на лестничную площадку и продолжает подниматься по лестнице...

Зима.

Но снега почти нет.. И ветер метет мерзлую пыль по улицам.

Машина едет по зимнему Владивостоку. В ней сидят Степанов и

Надя. Чемодан Степанова стоит у него в ногах. Степанов досадливо морщится.

— Ах, черт, не могу я тебе простить, что Васька ушел.

— Ну, папа, я же... Я же не знала...

— Как «не знала»? Я тебе русским языком написал: Васька будет жить у нас. Значит, надо было его оставить.

— Я же его хотела пригласить. Он просто взял и ушел...

— Значит, плохо хотела. Ты вообще к людям небрежно относишься.

— Ну, папа. Я тебя так ждала, а ты приехал и сразу ругаешься.

— Мне досадно, понимаешь? Ехал, думал, Новый год встречать будем... Приезжаю. Здравсте, парень ушел к дядьке жить.

— Да ведь он ему родной.

— Я ему родной! Я, понимаешь, а не этот дядька дурацкий. Он его и в глаза не видал.

— Ну, папа же, — говорит Надя и трется щекой о шинель.

— Ладно, не расстраивай меня. Будем его искать.

Квартира Степанова.

Ярко горит свет... А за окном ночь. Это ночь перед Новым годом. И сейчас к нему готовятся.

Надя вносит скатерть и накрывает ею раздвинутый стол.

Входит Витя Козлов и вносит груды тарелок.

— Надя! — раздается крик бабушки. — Звонят. Не слышишь? Ступай открой, у меня руки мокрые.

— Иду, иду! — Надя выходит в тускло освещенную переднюю, открывает дверь и видит... стоит Василий.

Одет он плохо. Пыль и снег у него на плечах, мешок тощий у его ног.

— Это вы?.. — растерянно спрашивает Надя, присмотревшись.

— Здравствуйте, — говорит Василий тихо. — Я хотел спросить... у вас переночевать нельзя?..

— Папа! — тонким голосом кричит Надя, отступая от дверей.

— Ничего, ничего... Я уйду... Вы не бойтесь, — и Василий нагибается за мешком.

Но Надя кидается к нему и, вцепившись в его рукав, кричит:

— Куда вы? Куда вы?! Не смейте! Папа, иди скорей!

В коридор выходит Степанов. Василий опускает мешок.

— Папа! Вася пришел, — говорит Надя возбужденно.

— Вижу. — Лицо у Степанова строгое.

— Я от дядьки ушел. Ну его к черту... А?.. Возьмите меня в отряд, Николай Васильич... Не могу я здесь, — с отчаянием говорит Василий и садится на мешок.

— Эх, голова садовая! — хмурится Степанов. — Говорил я тебе: живи у меня, а ты — «дядька, дядька»... Вот тебе и дядька... Ну, пошли в дом, — и он берет Ваську за рукав.

...Новый год в самом разгаре.

За столом — Степанов и много командиров. Все они живые, горячие. Празднуют Новый год. Празднуют приезд Степанова. Празднуют силу свою и молодость.

Молодежь, товарищи Йади, уже вышли из-за стола, и теперь кто танцует, кто так сидит, разговаривает. С ними Василий, тихий и умытый.

— Витька, опять курил? — спрашивает Надя у подошедшего Вити Козлова. — Вот я Вере Николаевне скажу, вот посмотришь.

— Надя, все-таки соображать надо. Десятый класс, знаешь, мы не дети.

— Взрослый какой нашелся! Подумаешь, испанец!  
 — Почему испанец? — спрашивает Василий.  
 — Да так, — отвечает Надя, сияя Василию глазами, — он в Испанию воевать собрался, а его не пустили.  
 — Зачем нужно болтать? Не понимаю... Пошли танцевать, — говорит Витя, — что ты здесь окопалась?  
 Они уходят, а Василий подходит к Степанову и садится рядом на пустой стул.  
 Степанов, бегло взглянув на него, встает.  
 — Внимание!  
 — Тише! Тише!.. Выключайте патефон, — кричат ребята и собираются к столу.  
 — Я предлагаю тост за моего старинного друга Василия Чоботова, — говорит Степанов. Васька смущенно опускает голову.  
 — А почему за него? — раздаются веселые голоса. — А за нас?  
 — Могу я выпить за старого друга без объяснения причин? — спрашивает Степанов.  
 — Пьем без объяснения причин, — кричат командиры, — действуй, Коля!  
 — Друзья, — продолжает Степанов, — у китайцев есть такой цветок, называется мей-хуа...  
 Василий стремительно поворачивается к Степанову и жадно глядит на него.  
 — ...Этот прекрасный цветок интересен тем, что он не боится мороза. Так вот, я желаю полной и абсолютной удачи моему Другу Василию и хочу выпить за то, чтобы Василий, как тот цветок мей-хуа, выдержал бы любую зиму.  
 — Ура! — кричат все.  
 Степанов, опрокинув рюмку, говорит:  
 — На счастье, Вася...

Василий идет по ковру в большой комнате и останавливается перед всматривающимся в него человеком, сидящим за письменным столом.  
 — Ах, это вы?.. Нет-нет, вы слишком рано пришли... Я вас еще ничем порадовать не могу. Надо еще подождать.  
 — Хорошо, — тихо говорит Василий и идет к дверям: он ведь еще совсем молодой.  
 — Подождите.  
 Василий останавливается.  
 — Я вас чем-нибудь обидел?  
 — Нет... что вы... Я просто думал...  
 — Вот что... Я хорошо помню ваше дело. Скажите мне честно: вы любите эту девушку?  
 — Да, — отвечает Василий.  
 — Тогда слушайте меня внимательно. Надо набраться терпения. С Маньчжоу-го у нас дипломатических отношений нет, значит, вся переписка шла через Красный Крест. А теперь Япония вступила в войну с Китаем — значит, и этот канал почти закрыт. И, кроме того, эта девушка проживала в тех районах, где у японцев сейчас запретная зона. Японцы не дают никаких справок об этих местах. Видите, какое трудное дело?  
 — Я понимаю...  
 — Но, конечно, если мы получим какие-нибудь сведения, мы вам перешлем. Или вам, или Степанову.  
 — Любые сведения... жива или не жива...

— Хорошо. Перешлю любые.  
— Спасибо. Я понимаю... Я буду ждать... До свидания.  
Василий идет к дверям, а человек сочувственно смотрит ему вслед и качает головой.

Василий выходит из серого каменного здания с колоннами.  
Дождь только что кончился. Василий идет по мокрым камням плитки, и его дрожащий силуэт отражается в зыбком зеркале мостовой.

А дальше — деревянные черные от сырости дома; их мокрые крыши отливают серебром.

А дальше, как водоросли, висят сети, и сквозь них просачиваются серебристое небо и серебристое море.

...Василий подходит к откосу и смотрит вниз.

Внизу раскинулся Владивостокский порт.

Огромные корабли у причалов.

В тишине — четкий стук лебедек, поднимающих на стропях грузы из трюмов.

Плывут буксиры и перетягивают пловучие краны.

У бортов пароходов и между складами длинными красными цепочками выстроились вереницы товарных вагонов.

Пыхтят паровозы.

То на одном, то на другом пароходе взвивается синий флаг с белым квадратом — значит, судно готово к выходу в море.

Медленно идут корабли, огибая мыс Клетта и постепенно набирая скорость.

Потом проливом Босфор Восточный мимо Скрыплевского маяка выходят в открытое море.

Открытое море.

...Подходят ребята к Василию.

С ними Надя и Виктор.

Оживленные, они толпятся около Василия, и он с трудом отрешается от своих мыслей.

Надя немного отстает. Немедленно отстает и Виктор.

Он берет ее под руку.

А она руку освобождает.

— Ты с ума сошел!

— А что особенного?

— Мне тебе еще объяснить?

— А что такого?.. Школу окончили, а держишься со мной, как будто я не знаю кто.

Надя не слушает и проталкивается в середину.

— Надя, а правда, что твоего отца в Москву переводят? — спрашивает девочка.

— Правда.

— Вот счастливая, — говорит девочка, — в Москву поедешь, там поступать будешь.

— Я еще не решила. — И Надя мельком взглядывает на Василия.

— Ура! — кричит Витя Козлов, расталкивая ребят и подбегая с парнем. — Ребята достали билеты. На «Ромео и Джульетту» достали! Ну, Васька, тебе посчастливилось!

— Что это вы посреди бела дня в театр? — говорит Василий.

— Чудак, Театр Революции московский приехал! Бабанова играет, Астангов — это тебе что, шуточки? Да ты что какой-то неживой? Как все равно с того света приехал?

— Почему «с того света»? — Василий с наигранным оживлением берет под руки Надю и Виктора.— Почему «с того света?» Я с этого света.

Виктор делает вид, что лезет в карман, и освобождает руку, глядя на Надю.

Надя стоит, вытянув шею, и строго глядит перед собой, но руки у Василия не отнимает. Лицо у Виктора вытягивается.

— Как ты сказал пьеса называется?—спрашивает Василий.

— Братцы! Он не читал! Хватай его! Тащи! Эх ты, провинция!

Стайка ребят уводит усмевающегося Василия Чоботова, который не знает, что такое «Ромео и Джульетта».

«Любуйтесь ею в последний раз, глаза!  
В последний раз ее обвейте, руки,  
А губы, вы, преддверия души,  
Запечатлейте долгим поцелуем  
Бессрочный разговор с небытием»...

Темный театральный зал. Идет сцена у гроба Джульетты.

Притихшие школьники. Заплаканные лица девочек. Юноши еще крепятся.

«Сюда, сюда, угрюмый перевозчик,  
Пора разбить потрёпанный паром  
С разбега о береговые скалы.  
Пью за тебя, любовь!»

Ромео выпивает яд.

Василий тихо встает. Надя вопросительно смотрит на него.

«Ты не солгал, аптекарь.  
С поцелуем умираю... (Ромео умирает.)»

Василий начинает пробираться к выходу.

— Ты куда, Вася? — спрашивает Надя.

— Пойду домой... Скукота... — отвечает Василий, перешагивая через ноги сидящих.

Ребята резко поворачивают головы и с ненавистью смотрят в равнодушную спину Василия.

Спина Василия, идущего по улице.

Навстречу ему женщина. Она проходит мимо, оглядывается, останавливается и смотрит ему вслед.

Василий идет по тротуару. Глаза его сощурены, рот безобразно растянут и судорога плача трясет его подбородок.

Василий медленно подходит к зданию с колоннами, смотрит на его темные окна и медленно отходит обратно.

Вечереет.

— Алё, племянничек, — говорит дядя Кирилл Петрович Шуваев.

Василий останавливается. Дядя кивает на темные окна здания.

— Ну что? Не вышло?

Василий идет, не отвечая.

Дядя идет рядом.

— Да, брат, полная неудача у тебя... Ходишь, все ходишь... Достоинно сожаления... И гражданин Степанов не помог.

Василий останавливается.  
— Уходи, слышишь?!..  
— Что ж, уйти можно. Это недолго. Только бы ты опосля не зарыдал, как ребенок... А ведь я узнал про китайку твою,— и он собирается уходить.  
— Пстой!..  
— Нет уж, мерси вам, с нас хватит.  
— Пстой! — кричит Василий и догоняет его. — Ты что говоришь, дядя Кирилл?  
— Ты оттолкнул дядю. А я бежал... Думал, обрадуется старику.  
— Дядя Кирилл... не томи,— говорит Василий, идя рядом.  
Дядя продолжает шагать.  
— Дядя, — громко говорит Василий.  
— Ладно, — останавливается дядя, быстро оглянувшись. — Не ори... Садись на скамеечку, побалакаем.— Они садятся на скамью пустынного сквера, против цирка.  
— Жаль мне тебя.. Полюбил я тебя всей душой. Родная кровь, она всегда... А то бы ни в жисть не сказал. Ну, узнал я про китаечку...  
— А!!..  
— Ты не «акай», а слушай. Узнал. Жива она, но болеет.  
— Болеет?!  
— И ежели хочешь спасти, то поспешай.  
— Дядя... Дядя!..  
— Да не чепляйся ты за рукав. Слушай, чего говорят, — говорит дядя, отрывая пальцы Василия от рукава.  
— Познакомился я тут с одним малым. С китайцем, в общем. Ну, побалакали, оказалось, он сам оттуда и твою китаечку знает.  
— Где он?! Как его зовут?!  
— Ну это я не запомню, как зовут.  
— Скорей... Скорей... — торопит Василий.  
— Чего «скорей-то»? Пспешишь — людей насмешишь... А парень дельный. Он тебе и письмо наладит, и растолкует, кому чего писать, и так поможет. Я уж договорился.  
— Дядя Кирилл... Миленький... Идем скорей...  
— Погоди, говорю. Прибежишь ты, как чумовой, человека испугаешь. Ты слушай меня, я не подведу. Понял?  
— Ладно, дядя Кирилл, ладно!  
— Ты слушай меня во всем. Со мной не пропадешь. Согласен, что ли?  
— Я, дядя Кирилл, на все согласен. Заранее тебе говорю.  
— Ну, правильно. Только, друг, и этого китайца тоже отблагодарить придется.  
— Да я... Я его всю жизнь благодарить буду! Я ему руки целовать стану!  
— Ну-у, руки... Ты что, младенец?!  
— А-а... заплатить? Заплачу, сколько ни попросит. Сколько надо, мне соберут.  
— Эх, удивил! Да у него у самого денег куры не клюют. Этим, брат, не отмахнешься. Он тебе услугу окажет, а ты ему. Ведь он тоже, знаешь, головой рискует. Услугу за услугу. Понял?  
— Я на все согласен, — говорит Васька. Но вдруг останавливается — Чт-то... — запинаясь спрашивает он, и глаза его расширяются.  
— Услужить, говорю, должен.  
— Кому?..  
— Ну-у... «кому»? Людям.

— Каким людям? — Василий берет дядю за грудь, и лицо его делается страшным.

— Ты что?.. Ты что?.. — бледнея, дядя отступает и отрывает руку Василия.

— Каким людям? — тихо спрашивает Василий.

Дядя Кирилл рванулся и быстро побежал по пустынной улице в ту сторону, где у тротуара стояла красивая машина. Василий за ним. Но когда дядя и Василий были уже близко от этой красивой машины, она, рванувшись, присела на задние колеса и, яростно окутавшись синим дымом, исчезла за углом.

— Стой! Стой!.. — закричал дядя Кирилл, и в этот момент Василий, добежав, закинул руку ему за шею.

Сбежался народ... Из ворот дома вышел морской патруль...

Квартира Степанова. Степанов укладывает вещи в чемодан. Входят возбужденные ребята.

Степанов выходит.

— Я как вспомню его сонную рожу, так мне даже нехорошо делается.

— Вообще его надо как-нибудь проучить. Может, ему бойкот объявить?

— Ну, товарищи, он ведь просто некультурный парень. Прикрепить к нему кого...

— Поздно прикреплять — школа окончена. Надо было раньше думать.

— О чем глаголете? — спрашивает Степанов входя. — Бойкот какой-то?

— Понимаешь, твой замечательный Вася оказался таким человеком... — говорит Надя с горечью.

— Кто? Васька? А что он такое сделал?

— Понимаешь, сидели мы на «Ромео и Джульетте», а он встал и говорит: «Скукота» — и ушел! Как раз, когда они себя убивают! Понимаешь?

— Ушел?

— Ушел! Понимаешь?! Это такое... такое бессердечие... Такое свинство.

— Щенки вы, — хрипло говорит Степанов, — вот вы кто. Как у вас просто все... Молокососы... Бережем мы вас, бережем... Вы что же, не знали, что у него в концлагере, где он сидел, погибли отец и мать? Что у него там осталась девушка китайка... возлюбленная, невеста. Понимаете вы это слово или еще в школе не проходили?

Ребята стоят ошеломленные. Надя прикрывает рот ладонью.

— Китайка? — спрашивает она.

— Мы болваны, и я первый, — говорит Витя, — надо его найти.

— Правильно, — одобряет Степанов.

— До свидания, Николай Васильевич, — хором прощаются ребята и идут к двери.

— Надя, останься, ты мне понадобишься, — говорит Степанов.

Надя вяло останавливается и стоит, опустив голову и положив руку на спинку стула.

— Ну как, решила? Со мной поедешь? — спрашивает Степанов.

— Поеду, папа... — тихо говорит Надя.

Пасмурный вечер.

Откос над морем и портом.

Ветер сгибает гриву кустов.

На камне сидит Василий, обняв руками колени, и ветер дует ему в спину, развеивает волосы. Василий поднимается и стоит по колени в низком кустарнике, который почти ложится от ветра.

Василий поворачивается и, пройдя несколько шагов, останавливается у шоссе. Вдали показался грузовик. Василий поднимает руку и, когда шофер остановившегося грузовика высовывается из кабины, Василий говорит:

— Ты меня подбросишь, друг?

— Садись,— говорит шофер.

Василий вскакивает в кузов.

Василий стоит около вывески: «Райвоенкомат».

И когда грузовик уезжает ...Василий входит в ворота.

За столом сидит капитан с интендантскими колесиками в петлицах и читает заявление Василия, который стоит напротив стола.

Капитан, дочитав, поднимает голову.

— Так почему же вы все-таки решили идти в армию?

— Я хочу бороться против фашизма,— и Василий стискивает челюсти.

И так он стоит неподвижно.

И яростные глаза его пламенеют и туманятся.

Это не глаза его туманятся.

Это туман залегает на сопках.

Граница.

В предутренней тишине она раскинулась по сопкам и отделяет друг от друга два мира.

Она прекрасна в эти предутренние часы.

Стоит пограничный столб с мерцающим гербом СССР.

Около столба — Василий с винтовкой.

Василий стоит тихо, только переминается иногда с ноги на ногу.

Внизу журчит речка по камешкам и омывает подножье огромной сопки.

Туман стелется по земле и, хотя горизонт чист, у подножья сопки все бело.

На расцветающем юном небе — белое облачко.

Все обещает скорый восход солнца.

Что еще обещает такое утро?

...Василий поднимает голову.

— Стой!.. Кто идет?! — кричит Василий в туман и вскидывает винтовку.

Раздается выстрел.

И тогда падает Василий у столба, уронив винтовку на землю и хватаясь за правую руку.

Это так обычно — подстрелен пограничник.

Но вот он берет винтовку левой рукой и стреляет вверх...

В небо...

Туда, где стоит неподвижно легкое облако.

Облака. Они видны из окна второго этажа ДНС—дома начальствующего состава.

Перед окном расстилается большой плац. Он пустой сейчас.

Пустые стоят турники и брусья. Под грибком часовой.

Вдали — силуэты сопки.

В этот свежий предутренний час вскочил командир с постели и, посмотрев на часы, подошел к окну.

От двухэтажного здания справа бежит человек.

Вот он добежал до середины и поднимает руку с трубой.

Тревога...

Картавые звуки трубы разносятся над домами.

Командир быстро отходит от окна, надевает гимнастерку, портупею и, схватив полевую сумку, бежит на цыпочках к дверям, мельком взглянув на спящего ребенка.

Он вбегает в коридор.

Хлопают двери... Топот ног...

Он сбегает по лестнице, догоняя командиров.

И все выбегают наружу — на ясный и пронзительный утренний воздух.

На плацу выстраиваются бойцы.

Опять граница...

Но она теперь совсем другая.

Над сопкой поднимается черный дым — это за сопкой горят деревни.

И кровавое солнце светит через черный дым.

Лающие звуки стрельбы мечутся над падью.

Пули залетают на нашу сторону и, повизгивая, отскакивают от камней.

Через ручей переходят китайские крестьяне.

Старики и женщины тащат узлы и винтовки древних образцов.

Дети цепляются за матерей.

Над ручьем угрюмо нависает сопка.

...Пограничники из-за укрытий смотрят на приближающуюся процессию.

Из небольшого строения выходит командир и ложится в цепь.

И когда первые люди переходят через ручей, командир посылает двоих.

Они встают за деревьями, чтобы встретить людей, которые ищут политического убежища.

И когда первые люди появляются на нашей территории, из дверей домика выходит Василий и, придерживая левой рукой забинтованную правую, быстрыми шагами идет к китайцам.

Он проходит мимо беженцев. С бьющимся сердцем всматривается в женщин. Жадные глаза его не находят Мей-хуа и тускнеют...

Перешли все... Командир выделяет провожатых, но Василия нет в их числе.

Он стоит у дерева и с тоской смотрит на ту сторону.

Некоторое время противоположный берег пуст.

Потом из кустов выбегают вооруженные китайцы и залегают за большими валунами.

На гребне сопки появился японский солдат...

Два «гочкиса» пылят на вершине, и эхо катится по сопкам.

Японцы спускаются вниз волчьей цепочкой, и китайцы начинают бить по ним из-за камней.

Тогда беженцы останавливаются и плача глядят на ту сторону. Но пули, перелетая, впииваются в песок, и беженцев уводят за поворот.

Стоят красноармейцы.

— В чем дело? — спрашивает командир у подошедшего Василия.

— Разрешите встать в строй, товарищ командир.

— Нет. Не разрешаю. Раненым здесь не место.

— Товарищ командир...

— Отставить разговоры. Пойдете наблюдателем на крышу. Смирнов, дайте ему бинокль.

— Есть! — Василий берет бинокль, но не уходит. — Товарищ командир... люди гибнут же... сердце горит...

— Ступай! — яростно говорит командир и отворачивается.

Отряд японцев цепью пробежал по берегу ручья, отрезая партизанам выход через границу... и стон прошел по рядам советских бойцов...

— Обходят!.. Обходят!.. — кричит Василий, привстав из-за трубы, и машет фуражкой. — Эй!.. Эй!

Пулеметная очередь колет кирпич на трубе — и Василий сползает с крыши.

— Опять нарвался! — говорит боец, подхватывая его, — Куда тебя?

— Никуда, — отвечает Василий, — кирпичом ударило...

— В помещение, — приказывает командир, — там будешь сидеть.

И Василия уводят в дом.

— Не пускай его никуда, — говорит командир бойцу. — Очумел парень.

— Есть! — Боец встает у дверей.

...А Василий лежит на лавке и прислушивается.

Стрельба все реже... реже...

И Василий поднимается на лавке.

Стрельба прекратилась.

На сопке показалось несколько японцев.

Вдалеке за поворотом дороги проскакали во весь опор две конные фигуры.

Из-за камней поднялось пять человек — это было все, что осталось от партизанского отряда.

Командир отряда снял фуражку и по-крестьянски вытер потное лицо.

Они хорошо поработали в жизни своей.

Они пахали скудную землю, они любили жен и плодили детей.

Они били врагов, которые пришли к ним в дом.

Теперь наступает смерть.

Тишина...

И в этой лютой тишине слышно, как скрипит дверь.

Вышел Василий, не перенеся тишины.

— Ты куда? — спрашивает боец, повернув бледное лицо.

— Пусти, — отвечает Василий, глядя на него белыми глазами.

— Ты что, очумел?.. Назад! — Боец загораживает дорогу.

— Пусти, — повторяет Василий, отталкивая его здоровой рукой.

— Назад, стрелять буду, — тихо говорит солдат, — назад иди. Не могу, Вася...

Василий входит в дом, и боец быстро запирает дверь на засов.

Василий поднимает голову и прислушивается.

За стеной на том берегу поднимается песня... Это высокими гневными голосами запевают «Интернационал» китайские партизаны.

— Начали,— хрипло говорит боец и расстегивает воротник гимнастерки.

Василий держится за стену рукой и слушает. Слезы текут у него по щекам.

Потом пение прекращается, Василий сползает по стене на пол и слышит шум моторов.

Это на двух грузовиках примчалась подмога, и в тишине слышен скрип тормозов и глухой топот.

Грузовики стоят за поворотом дороги, и красноармейцы спрыгивают с машин.

Цепь красноармейцев выбегает на границу и залегает.

На той стороне показываются японские цепи, которые подходят к тому месту, где был партизанский отряд.

Они проходят через это место так, как будто там и не было ничего. Но там есть что-то, и начинается отвратительная возня.

Но лучше туда не смотреть.

Потом японский отряд выходит на нейтральную территорию.

Тогда поднимается цепь советских бойцов, и некоторое время два отряда смотрят друг на друга.

Затем Маэда командует, и японский отряд уходит на свою территорию, а советский отряд смотрит ему вслед.

И когда японский отряд скрывается в кустарнике, с вершины сопки коротко бьет пулемет, и советские бойцы мгновенно кидаются на землю, стуча затворами.

— «Па-па-па...» — раздается подлая короткая очередь.

И три пули с визгом впиваются в пограничный столб у самого герба.

И эхо гулко разносит по сопкам: «А-а-а...».

И красноармеец, слегка отстранившись от пуля, снова застывает у пограничного знака.

1941 год.

Бой кремлевских курантов.

Начинает легко и плавно падать снег.

Он мягкий и ласковый, как в «Снегурочке», но он падает на серые шинели...

...на красные карнизы Исторического музея и Музея Ленина...

...на огромную Манежную площадь...

...на тысячные ряды советских солдат, готовых отправиться на фронт...

...на людей, толпящихся на тротуарах...

...на танки...

...на Василия, стоящего в рядах солдат нашей армии.

Солдаты сибиряки оглядываются по сторонам — ведь они впервые в Москве.

И глаза Василия скользят вдаль по улице Горького...

Улица.

По улице идет Надя.

Она в валенках, голова ее закутана платком.  
Надя входит в дом и, поднявшись по лестнице, открывает дверь ключом.  
В передней она разматывает платок, бросает взгляд на пол.  
На полу лежит конверт.  
Быстро нагнувшись, она поднимает его и читает: «Степанову Н. В. для Чоботова В. С.».  
И Надя выбегает на лестницу, хлопнув дверью.  
...Надя подбегает к большому зданию, окруженному стеной, в тот момент, когда старый солдат с большими усами закрывает ворота.  
— Скажите, пожалуйста,— обращается к нему, задыхаясь, Надя,— как мне увидеть младшего лейтенанта Чоботова... Василия...  
— Опоздала, дочка,— говорит солдат.  
— Но мне необходимо, ему письмо важное пришло,— настаивает Надя.  
— Часть ушла на фронт,— строго говорит старый солдат.

Стоят бойцы на Манежной площади.  
Вот вдали протяжно раздаётся команда.  
Команда приближается, повторенная эхом командирских приказов.  
Ряды солдат напряглись...  
...и двинулись, набирая шаг и наливаясь мощью.  
Теперь их не остановит никакая сила.  
Где-то впереди тонко и напряженно поднимается голос запевалы:

**«На марше равняются взводы,  
Горит под ногами земля».**

Идут взводы. В одном из них Василий.  
Идут войска...  
И стоящие на тротуарах люди прощально машут руками.  
...На тротуаре стоит Надя, закутанная в платок, и жадно всматривается в проходящие ряды.  
Она держит руку за пазухой, где белеет уголок конверта.  
Она видит Василия, идущего походным шагом, машет конвертом и кричит:  
— Вася!  
Василий поворачивает голову.  
Тогда Надя сбегает с тротуара, догоняет взвод и что-то быстро говорит лейтенанту, показывая на конверт.  
Лейтенант кивает головой и кричит:  
— Чоботов, выйди из строя!  
Василий выходит.  
— Даю вам пять минут. Хватит?  
— Хватит, товарищ лейтенант.  
Взвод идет дальше, и лейтенант догоняет его.  
Василий подбегает к Наде.  
— Здравствуй, Надюша. Как хорошо, что ты пришла. Как это хорошо!  
— Вася, тебе пакет,— говорит Надя,— из Наркоминдела.  
— Мне?! Наконец-то!.. Надя... Надя... ты даже не знаешь, что ты мне принесла!..— говорит ошеломленный Василий.  
Он рвет конверт и читает:  
~ ~ «По полученным нами сведениям...» — и дальше бормочет.  
Надя грустно отворачивается и смотрит, как идет войско.

...Мерный шаг проходящего войска.

Она поворачивается к Василию.

А Василий, закрыв лицо руками, стоит около проходящего войска, и снег ложится ему на плечи.

— Вася...— дрожащим голосом говорит Надя и тянет за уголок письма, зажатого его скрюченными пальцами.

Василий молчит.

— Вася... Я хочу... сказать... Вася, и я и мы все... Я понимаю... Ты не думай...

Василий молчит.

— Вася,— пугается Надя,— не молчи! Слышишь?! Вася! Не надо так,— с плачем говорит Надя.— Вася, я тебе друг на всю жизнь... И тебе и Машеньке. Вася, мы все любим Машеньку... и она потом придет... Вот увидишь... Слышишь, Вася?! И вы встретитесь!..

Василий поднимает голову.

— Машенька умерла...

— А-а!.. — с ужасом вскрикивает Надя и закрывает рот ладонью.

Громкий удар барабанов и крикливый хор гонгов и дудок оскорбляют наши уши.

Эти звуки не потому неприятны и чужды нам, что это звуки незнакомой музыки, а потому, что они оскорбляют человека в нашей душе. Вот ведь на улице стоят китайцы, которым должна бы нравиться эта музыка. Но и они стоят хмурые. Они стоят сгорбившись, зябко заложив руки в рукава засаленных ватников, хотя сегодня обычный пасмурный день.

Нет, их тоже не радуют наглые, визгливые звуки дудок — ведь это торжествует несправедливость под защитой предательства.

В толпе нет женщин.

Рикша крутит педали и везет музыкантов.

Носильщики несут кресло в цветах. Другие — закрытый паланкин с окошком из целлофана.

И толпа смотрит хмуро на эту безрадостную процессию.

Между стоящими молча людьми, стараясь не отставать от процессии, пробирается человек. Это Сяо Гуй.

Он давно уже не Сяо — что означает маленький, но он все же Гуй — что означает черт.

На лице его гнев и отчаяние.

С гневом он смотрит на торчащие уши, на тонкую шею, на крахмальный воротничок, на фрак, на узкие брючки, на острые лакированные туфли веселящегося Ван Ю-фына.

И с отчаянием смотрит на мертвое лицо Мей-хуа.

Разве это Мей-хуа? В бамбуковом паланкине сидит восковая кукла. На набеленном лице накрашенный рот зияет, как черная рана. На щеках — два яблока румян. На лбу — слипшаяся от помады чолка, и в волосах бумажные пионы.

...Где ты, девушка-цветок? Где ты, ласточка? Где ты, песня моя?

Прощай, Мей-хуа... Ничего не осталось.. Ничего... Как восковую куклу, несут тебя, Мей-хуа, и цветной фольгой оклеен твой паланкин... Это похороны любви. Поэтому отец Ван Ю-фына называет это свадьбой.

Это, кланяясь, он растолковывает японскому полицейскому, который подходит к паланкину и смотрит на Мей-хуа.

Ван Ю-фын, повернувшись в кресле назад, счастливо улыбается, когда полицейская лапа цепко берет за нежный подбородок Мей-хуа, оттянув

этим, словно у лошади, нижнюю губу его будущей жены. Потом процессия двигается дальше и медленно заворачивает за угол.

Сяо Гуй, несколько поотстав, смотрит вслед, потом бежит вправо, пробираясь сквозь толпу.

Он выбирается к домам, быстро входит в ворота и мчится через пуганицу тупиков, переулков и задних дворов.

Он мчится как вихрь, и, когда прибегает к старому знакомому пакгаузу, то улица перед ним тиха и пуста.

Быстро оглянувшись по сторонам, Сяо Гуй подходит к стене и, достав из рукава мел, пишет дрожащими буквами: «Васка + Мехуа = любовь».

...И когда процессия проходит по улице мимо пакгауза, то на его стене Мей-хуа видит, что Сяо Гуй написал единственную фразу, которую его научил писать по-русски Ван Ю-фын.

Широко раскрываются глаза невесты, когда она видит эту надпись,

Они зажглись ярко и нежно, словно и вправду это глаза девушки Мей-хуа.

Но только секунду люди видели этот огонь, а кто говорит, что его и не было вовсе.

...Но когда поднесли паланкин к свадебному дому и счастливый Ван Ю-фын, заблестев золотыми зубами, открыл дверцу бамбукового ящика, то все увидели, что в нем, кроме дыры в бумажной задней стенке, нет ничего.

И Ван Ю-фын обомлел опозоренный.

Осень.

Дождь.

Огромный парк.

Огромные черные стволы деревьев уходят вдаль... вдаль... чередуясь призрачно и прихотливо.

Моросит дождь.

Его пелена смягчает контуры дальних стволов.

Листопад еще не наступил, но уже много листьев втоптано в грязь на дороге, в мокрую землю между деревьями.

В этом сказочно прекрасном парке плохо и неуютно сейчас одиноким путникам. Особенно если они боятся чужого взгляда.

...Две фигурки ковыляют по мокрой земле.

Это с трудом идет Мей-хуа, и Сяо Гуй ведет ее за руку, поглядывая но сторонам.

Им тяжело идти среди редких деревьев, на виду у любого зверя и человека. Им тяжело идти так долго и так далеко. Им тяжело идти по грязи.

Вообще им тяжело идти.

Им страшно, холодно и голодно, но они хотят перейти линию фронта.

Но где он, этот фронт? Когда Китай — такая большая страна... Когда стреляет каждый куст, а за это жгут каждую деревню и расстреливают каждого человека.

...Вот беглецы вышли на берег маленького пруда, и от берега шархнулись и побежали три мокрые жирные собаки.

Мей-хуа и Сяо Гуй глядят на берег и видят ряд трупов, наполовину ушедших под воду.

Мей-хуа и Сяо Гуя трясет, они пятятся от этого берега.

Они проходят по каменным плитам, по размокшим газетам, книгам и битой посуде к небольшому храму.

Двери его выбиты, окон нет, стены в дырах.  
Пол его залит блевотиной и засыпан рваной бумагой.  
Но это все-таки крыша.

И когда Мей-хуа со стоном опускается на пол в углу, то из другого угла раздается веселый голос, который вселяет в них ужас. Это японский диктор из Токио через немецкий «Телефункен», валяющийся на полу разрушенного китайского храма, сообщает, что в счастливых районах Китая, освобожденных из-под власти красных извергов, царят мир и покой.

Сяо Гуй находит провод — и тогда наступает тишина.

Идут два японских солдата.

Они идут по мокрой земле и прикрывают плащами свои «Орисаки», которые из-за дождя несут стволами вниз.

Тот, кто в очках, идет молча.

Бородатый тихонько напевает песню о Шошу, солдатах и пшенице.

— Мы завязли в этой стране, как в этой грязи,— говорит солдат в очках.— И дождь не кончается и война не кончается. Проклятая страна, проклятый дождь, проклятые китайцы...

— В этих словах нет твердости, которая подобает сыну Ямато,— говорит чернобородый и опять напевает тонким голосом.

— Сс-а... твердость... Мы бы сидели под крышей и ели консервы, а мы ищем двух проклятых китайцев, и ты можешь получить, пулю в живот.

— Ты тоже можешь быть убит,— возражает чернобородый.

— На мне одежда из тысячи стежков, сшитая матерью. Мать пишет, это спасает от пули.

— После того, что мы натворили здесь, это не мешает.

Два японских солдата подходят к тому же пруду.

Они видят те же трупы.

И они переглядываются.

— Я осмотрю дом, а ты погляди вокруг,— говорит бородатый, и они расходятся.

...И тогда бородатый входит в дверь.

Он видит в углу две скорчившиеся фигуры.

Он медленно поднимает винтовку и говорит: «Татэ», что по-японски означаем — встать.

И Сяо Гуй встает и помогает подняться Мей-хуа.

Они стоят, шатаясь, и серый промозглый день освещает их лица.

Бородатый смотрит на них и молчит.

Они смотрят на него и тоже молчат.

И наступает тишина...

Это такая тишина, когда умирает даже вздох.

И становится слышно, как шумит ветер, как идет дождь в этом прекрасном парке.

И в эту тишину врывается хлюпанье шагов по мокрым плитам двора.

Тогда бородатый японский солдат указывает штыком на дыру в стене и говорит: «Цзоу-ба», что по-китайски означает — уходите. Потом он поворачивается и идет навстречу приближающимся шагам.

И когда бородатый выходит наружу, он видит, что это не второй солдат в очках, а капитан Маэда.

Бородатый солдат отдает ему честь; капитан Маэда смотрит вниз и отшвыривает сапогом руку убитого в воду.

Он показывает пальцем на дом, и бородатый солдат спокойно говорит:

— Дом я осмотрел, господин поручик. Он пуст.

И в этот момент воздух стегают выстрелы.

Раз... раз... Потом еще раз.

Поручик вынимает пистолет.

Бородатый солдат тоже поворачивается в сторону выстрелов.

И оттуда теперь с топотом мчится второй солдат в очках.

Он подбегает и приветствует поручика.

— В чем дело? — спрашивает поручик.

— Два человека... Я видел их... Они выпрыгнули из дыры в стене этого дома... Я стрелял, но не попал...

— Бегом, — командует поручик, но останавливается. — Откуда выпрыгнули?

— Из этого дома, — отвечает солдат в очках.

Маэда поворачивает голову к бородатому и оскаливается.

Солдат в очках тоже поворачивает голову к бородатому и смотрит на него с ужасом.

— Отойди сюда, — и капитан Маэда показывает пистолетом в сторону пруда бородатому.

— Господин капитан, — заикаясь, говорит солдат в очках, — господин капитан... Я, наверно, ошибся... У меня такое плохое зрение...

Капитан повторяет:

— Сюда.

— Господин капитан, не нужно... — говорит тот, что в очках, подходя.

— Молчи, сын суки, — отвечает Маэда и бьет его стволом по лицу.

— Господин капитан... Господин капитан!.. — кричит солдат в очках, хватая его за руку.

Но капитан выдергивает руку и стреляет из пистолета ему в живот.

Солдат в очках сползает на землю, задирая рукой китель, под которым у него надета сшитая матерью одежда из тысячи стежков, уберегающая от пули.

Тогда бородатый солдат поднимает винтовку, сшибает пулей капитана Маэда и смотрит на два трупа, лежащих перед ним.

Раздается топот многих ног — и вбегают японцы.

Офицер направляет пистолет на бородатого и говорит:

— Докладывай.

— Рядовой Сато застрелил капитана Маэду на моих глазах, после ссоры. Поэтому я застрелил рядового Сато.

Офицер смотрит на убитых.

— Молодец... ты застрелил изменника.

— Я застрелил изменника, — говорит бородатый. — Это правильно.

И японцы уносят убитых.

Сяо Гуй и Мей-хуа подходят к залитой серебристой грязью развилке дорог.

На дороге вправо — японский указатель. Они уходят по левой дороге.

На развилку выходит бородатый японец. Он осторожно оглядывается по сторонам и задумывается.

На дороге вправо — японский указатель, на дороге влево маячат две фигуры. Он плетется вслед за ними.

...Мей-хуа и Сяо Гуй медленно подходят к краю тропинки, которая убегает вниз в головокружительную даль, прячась между камнями и замерзшим желтым дерном.

Мей-хуа и Сяо Гуй глядят сквозь переплет голых сучьев и видят долину внизу. А за долиной в зимнем морозном тумане новые гряды гор.

Деревушка у подножья отвесных скал.

Дымок над домами.

Дети бегут по льду.

Свиньи и цыплята хозяйничают на узких улочках.

Это мир и тишина.

И поэтому Мей-хуа и Сяо Гуй начинают спускаться по тропе.

...И вот они уже в деревне, которая украшена бумажными цветами и флажками.

На дороге стоит старик и указывает пальцем Сяо Гую и Мей-хуа:

— Идите по этой дороге и не ошибитесь. Отсюда один переход до Яньани. Но вы бы отдохнули. Девушка совсем не может идти.

— Она хочет Новый год встретить в Яньани. Там у нее отец.

— Многие так хотят,— говорит старик.— Вот по этой дороге все идут. Смотрите.

По деревенской улице едет на осле женщина с детьми. Сзади мужчина с мешком зерна идет пешком.

Сяо Гуй и Мей-хуа прощаются и следуют за ними.

Большой тракт в Яньань.

На него непрерывным потоком стекаются люди Китая.

И в этот поток измученных, пострадавших людей вливаются Мей-хуа и Сяо Гуй, чтобы совершить последний переход к Яньани.

...Впереди, где-то за поворотом, начинает нарастать ликующий крик.

Мей-хуа и Сяо Гуй делают еще несколько шагов и, выйдя за поворот, останавливаются.

Ущелье при слиянии двух рек у подножья утесов. Внизу, в долине, теснится город. На западе его зубчатые стены поднимаются отвесно к перевалу, и сторожевая башня господствует над морем холмов. Восточная стена его возвышается прямо от берега реки. А за рекой опять высятся скалы, увенчанные развалинами монастырей и одинокой пагодой.

Люди стоят в долине в морозной предрассветной голубой тени и смотрят туда, где на золотом небе рисуются сторожевая башня и пагода.

Торжественно занимается день.

Один крик...

Один общий стон...

Люди протягивают руки

с дороги,

с гор,

с грузовика.

И вот начинается движение.

Люди ускоряют шаги... Вот они почти бегут... Вот они побежали...

Но Мей-хуа не может бежать и стоит задыхаясь. Сяо Гуй около нее.

Тогда с грузовика протягивают руки и втаскивают их в машину.

Грузовик, набирая скорость, пошел к Яньани.

Вот он обгоняет людей и настигает всадников, которые помчались по долине, на скаку проламывая тонкий ледок ручьев, пересекающих дорогу.

Они мчатся, и твердые копыта монгольских лошадей отбрасывают назад замерзшие комья земли.

Вот пошли лозунги на скалах...  
Вот группа вооруженных крестьян обучается рассыпному строю...  
Вот ров...  
Вот холм...  
Вот Мей-хуа и Сяо Гуй под зубчатыми стенами Яньани.

Большое ветхое здание при храме. Здесь прежде была школа.  
На воротах флаги и лозунги.  
На широком дворе строем стоят курсанты и командиры — молодые, суровые лица.

А дальше синеют утесы за рекой, и над ними висится знакомая пагода, розовая в лучах рассвета.

В яркой синеве неба пламенеет красный флаг с молотом и серпом.

Чен говорит с трибуны:

— ...И, наконец, последнее. Одной из слабых сторон старой китайской армии было то, что она не уважала прав населения. А без связи с населением армия теряет боеспособность. Раньше говорили: «Хорошее железо не идет на гвозди — хороший человек не идет в солдаты». Про восьмую армию так не говорят. Потому что восьмая армия и народ — это одно тело.

Эти слова слушают курсанты перед отправкой на фронт.

Эти слова слушают крестьянские делегации из провинций, сидящие у стен на корточках.

Чен кончил речь. Поют стройные ряды курсантов, уходящих на фронт.

Тяжелый и мягкий топот ног в обмотках выше колен.

Серые камни двора.

Суровый командир Чен сходит с трибуны, и ординарец-маузерист идет за ним.

— Товарищ комбриг, вас какая-то женщина спрашивает или, может быть, это девочка,— говорит ординарец, наклонившись к нему на ходу.

Чен останавливается.

— Что за женщина?

— Не знаю, товарищ комбриг, не успел узнать.

— Коммунист не должен быть торопливым,— говорит командир Чен и бледнеет: к нему через двор бежит его покойная молодая жена.

Она подбегает и смотрит на него.

— Фуцинъ...— говорит она,— папа...

И тогда сел старый крестьянин Чен на корточки и заплакал, закрыв лицо синей фуражкой.

И дочь его Мей-хуа стояла рядом и гладила его голову... инеем седины покрывают...

Улица Яньани.

Палатки и магазины. Голубовато-серая форма бойцов, курсантов Военной академии, студентов и студенток нового университета смешивается с ватными куртками и громоздкими кожухами шансийских крестьян.

Маленькая Яньань выглядит настоящей столицей.

Среди бушующего моря антияпонской и антигоминдановской войны стоит непобежденный остров китайской революции — Особый район, и Яньань — боевой штаб района.

Сейчас Яньань зарывается в скалы от японской авиации, но это ей не мешает жить полной жизнью большого города.

Огромные желтые подножья скал, усеянные пещерами.  
Непрерывно идут земляные работы.  
Приходят одни отряды людей и сменяют других.  
Вот девушка вбежала на холмик и засвистела в свисток. Из одной пещеры показываются девушки.

Они складывают у входа лопаты.  
И вот по дороге пошли девушки-бойцы — красавицы в синих комбинезонах, небрежно перекинув винтовки через плечо.

Если подойти поближе, то можно увидеть среди них Мей-хуа.

Она поправилась и повеселела.  
Она идет, стройная в своей военной форме, с раскрасневшимся, влажным от пота лицом.

Мей-хуа входит в дом.  
Мей-хуа входит в небольшую полупустую комнату и видит, что Чен надевает синюю фуражку, а ординарец держит его маузер и полевую сумку.

— А, здравствуй, дочка,— говорит Чен.  
— Здравствуй, папа,— радостно отвечает Мей-хуа.  
— А почему ты сегодня такая нарядная? — спрашивает он, показывая на бумажные цветы в черных волосах Мей-хуа.

— Ты забыл, папа, что сегодня праздник весны и ты мне обещал красный пояс?

— Праздник весны...— оживляется Чен,— нет-нет, я не забыл... А на пояс можно взять вот это,— и достает из шкафа длинный кусок красного шелка. — Я помню, как мы с матерью твоей танцевали в праздничной процессии,— говорит он, глядя на Мей-хуа, разворачивающую пояс.

Потом он снимает синюю фуражку и отдает ее радостно улыбающемуся ординарцу, который смотрит то на дочь с цветами в черных волосах, то на отца с поседевшей головой.

Чен привычно обертывает голову полотенцем и начинает танцевать. И становится незаметна разница в годах, так оживленно блестят у него глаза.

Ординарец хохочет в углу.  
И Мей-хуа танцует, взмахивая концами красного пояса.  
И все хорошо у них, только пора каждому идти по своим делам.  
И Чен покидает комнату.

А Мей-хуа танцует...  
Она танцует в праздничной процессии, которая изгибается по переулкам, и рядом с ней танцует Сяо Гуй.  
И громкая музыка...  
И улыбающиеся лица...

Музыка доносится еле-еле сквозь закрытые окна комнаты, полной табачного дыма.

У стола сидят три человека и греют руки о кружки с кипятком и курят... курят...

И Чен среди них.  
На столе много бумаг, пачки с сигаретами и кружки с кипятком — чайник стоит рядом на стуле.

— Что же делать, товарищ Чен? — говорит один.— Ты же сам видишь, мы перебрали все списки и все-таки остановились на этих пятерых.

— Я же вам сказал, что они не подходят,— отвечает Чен,— вы плохо знаете обстановку в Маньчжурии. Из этих пятерых самый опытный—

старый Ли. Он, конечно, лучше всех, но он южанин. Все остальные — люди не очень опытные и, самое главное, все, кроме Сяо Гуя, не знают этого района.

— Товарищ Чен, мы не согласны. Они люди смелые, и, когда придут на север, они там найдут и опыт и знание района.

— Им будет поздно искать знание района. Маньчжурия — это полицейская клетка. Каждый шаг местного жителя контролируется. Их задержит первый жандарм. Эти люди не подходят. Ищите других.

— Других пока нет... — говорит один и, бегло взглянув на Чена, опускает глаза.

Второй тоже опускает глаза.

— Так... Подходящих людей нет,— говорит Чен и смотрит на них.

Потом он встает и, подойдя к окну, распахивает его.

Из окна потянулись клубы дыма, а в окно ворвалась громкая весенняя музыка толпы.

Двигается процессия.

И в процессии идут в танце Сяо Гуй и Мей-хуа.

Но вот их заслоняет огромное бумажное тело дракона, которое, извиваясь, проползает по кривым переулкам.

Тогда Чен отходит от окна и говорит, садясь у стола:

— Вместе с Сяо Гуй пойдет Мей-хуа. Она хорошо подготовлена и она знает русский язык.

— Товарищ Чен,— возражает один из сидящих,— это неправильное решение.

— Оформляйте документы... Исполняйте...— говорит Чен, вставая.

— Ши,— отвечают командиры и вытягиваются.

Тогда Чен выходит из комнаты, а два человека смотрят ему вслед.

Чен входит в большой полутемный зал бывшей баптистской миссии.

На полу сидят крестьяне, дети и курсанты училища.

Они сидят между деревянными столбами, и верхний свет делает их лица призрачными и прекрасными.

А перед ними на помосте самодеятельный хор исполняет старинную песню.

Этой песне пятьсот лет, но слова ее свежи, как черешня.

Песню слушают все, слушает и Чен, затаив дыхание.

Это Мей-хуа в шелковой одежде невесты с цветком в волосах и со связанными руками поет о страданиях китайского народа.

И хор вторит ей:

**«Мы все, друзья, бедняки,  
нам знакомы нужда и голод.  
Друг, наклонись и сорви мне цветок,  
нежный цветок лотоса.  
Мы вместе идём дорогой голода,  
дорогой голода в зной и стужу,  
Вместе идем мы, и на нашем пути  
расцветают и осыпаются лотосы».**

Растроганные люди хлопают в ладоши.

Аплодируют солдаты, дети, крестьяне...

Чен встает и выходит из дверей.

А на улице ночь.

Человек идет в темноте.

Его пропускает часовой, и он входит в дом.

Он идет по коридору, останавливается около двери, берется за ручку, и тогда видно, что это Чен.

Он отпускает ручку двери, отходит к окну и смотрит на ночное небо.

Потом идет к двери, открывает ее и входит.

— Как у вас дела? — спрашивает он у двух человек, которые поднялись ему навстречу из-за стола. — В штабе спрашивают, готовы ли мы?

— Все готово, — отвечает один, — только имена не вписали в протокол постановления.

— Вызовите мне Сяо Гуя и Мей-хуа, — говорит Чен.

И командиры покидают комнату.

Чен садится за стол, на котором стоит кружка и лежат сигареты.

Он берет бумагу и кисточкой вписывает имя Мей-хуа.

Дверь открывается, и Сяо Гуй приветствует Чена.

Чен встает и, подойдя к нему, говорит:

— Ты едешь на север.

— Ши, — отвечает Сяо Гуй.

— Ты поедешь в Маньчжурию и будешь героем.

— Ши, — отвечает Сяо Гуй.

— Все разъяснения ты получишь завтра.

— Ши, — отвечает Сяо Гуй.

— Ты пойдешь вместе с Мей-хуа и будешь помогать ей во всем.

Теперь Сяо Гуй молчит.

— Ты слышишь? — спрашивает Чен.

— Это неправильно, — говорит Сяо Гуй, — она не может идти.

— Нет, может.

— Ты не прав, товарищ Чен. Мей-хуа нужна здесь, и я не хочу идти с ней.

— Она нужнее там, а ты ведешь себя, как несознательный человек.

— Товарищ Чен, ее нужно беречь. Ты видел сам — она настоящая артистка.

— Тем более нужно ее послать.

— Посторонние относятся к ней лучше, чем родной отец...

— Смирно! — командует Чен. — Кругом... шагом марш...

И Сяо Гуй уходит.

Входит Мей-хуа, веселая и счастливая. Она, улыбаясь, вытягивается у дверей.

Чен подходит к ней и, обняв, застывает.

Мей-хуа, зажмурившись и улыбаясь, прижимается к его плечу.

Но вот постепенно улыбка сходит с ее лица, глаза раскрываются и, отстранившись, она смотрит на отца.

— Садись, — говорит Чен.

Мей-хуа медленно садится, глядя на Чена, как замороженная.

— Мей-хуа... Я тебя посылаю на север, — говорит Чен хрипло, — так надо.

Мей-хуа сидит, опустив голову.

— Я ведь недавно пришла... Я не смогу идти, — тихо произносит она. Ее маленькая фигурка выделяется темным пятном на белой стене. — Я так хотела дождаться встречи с Василием.

— Ты знаешь, что у советских людей война... Они уже начали гнать Гитлера, но будет плохо, если сзади на них нападет Япония. Мы должны помочь русским, и ты пойдешь в Маньчжурию, если хочешь, чтобы Василий остался живым!

Мей-хуа поднимает лицо и встает...

Бешеный рев автоматов... Вой... Свист...

Все это перекрывается слепящей вспышкой взрыва и...  
все глохнет в яростной тишине.

И опять рев автоматов среди развалин умирающего города, где многоэтажные дома вздымают в небо изуродованные руки лестниц, где остервенелые бичи хлещут по стенам... по домам... по всему, что попадает на пути.

Разве можно даже подумать о том, чтобы остаться в живых здесь?

У человека такое мягкое, теплое тело, разве оно может избежать смерти?

Нет, конечно. Избежать смерти нельзя...

Но победить ее можно!

Вот они идут, эти люди — рыцари, заступники, насмерть стоящие, смерть побеждающие,— идут по горящему Будапешту.

Хрипло дыша, перебегают в грязи, в крови, в поту, но прекраснее их нет никого на этой земле.

...И с ними идет Василий.

К ним в смертной тоске протягивает город свои изуродованные руки.

...И это видит Василий.

На них обрушивается смерть тяжелые снаряды и стены домов.

...И это случилось с Василием.

...Вот он встает среди развалин подвала, где одним снарядом убило всех жителей этого дома, которые, наверное, так хотели жить. Майор Василий Чоботов поднимается весь в крови и, оглушенный, шагает через трупы. Он идет, с трудом передвигая каждую ногу, потому что, в сущности, он уже убит.

Майор Василий Чоботов падает, поскользнувшись, и, когда открывает глаза, видит, что упал, наступив на руку девочки лет четырнадцати, другую руку которой придавила кирпичная глыба.

Девочка, закрыв глаза, пытается приподнять голову.

И тогда встает майор Василий Чоботов — и это чудо.

Потому что, в сущности, он уже убит.

Он подходит к глыбе и начинает ее отваливать. Глаза у него опять закрыты.

И, конечно, он снова падает.

Потому что, в сущности, он уже убит.

Но он встает опять и сдвигает глыбу, и так как мы знаем, что чудес не бывает, то, следовательно, это правда.

Он берет эту девочку на руки и идет...

Но так как чудес не бывает, то, значит, и это правда. И когда он уже не может идти и хочет умереть на самом деле, он открывает глаза и видит, как лицо девочки становится лицом Мей-хуа. И ей тоже четырнадцать лет.

Вы скажете, что это сказка? Почему сказка? Он же бредит. Боже мой, как будто это не все равно!

Это сказка — но он идет! И остановить его уже невозможно.

Это сказка? Ну какая же это сказка, когда это было на самом деле, и мы все это знали.

Любовь побеждает смерть — какая же это сказка?

Сопки. Маньчжурия.

Асфальтированное шоссе.

По одну сторону — поля, по другую — голая, утрамбованная земля, которая тянется метров на триста до подножий сопки.

Над сопками залегают дождевые тучи, окутывая белесым туманом вершины.

По дороге, блестящей от дождя, идет цепочка китайцев с поклажей — мужчины и женщины.

Вот один из них сошел с шоссе, вступил на вытоптанную землю и нагнулся, чтобы поднять палку, что лежала на земле.

Гулкое эхо пулеметной очереди — и человек упал головой в сторону сопки.

Дико закричала женщина, и другой человек протянул руку, пытаясь оттащить первого.

Опять хлопки пулемета — и второй с воплем отдергивает пробитую руку.

Люди прибавляют шаг, не оглядываясь на страшное место.

Лицо Мей-хуа.

Она осторожно встречается взглядом с Сяо Гуем, который едва заметно кивает головой.

Это укрепайон.

Все эти сопки — лабиринт траншей и ходов, выдолбленных в граните.

Простреливается каждый сантиметр.

Вереница людей входит в предместье города.

Мей-хуа и Сяо Гуй отделяются от остальных и сворачивают в боковую улочку.

Мей-хуа и Сяо Гуй, входят в фанзу, где на кане сидят три человека, облокотившись спинами на свернутые рваные ватные одеяла.

Они пьют чай и разговаривают о погоде.

Мей-хуа садится на край кана, а Сяо Гуй влезает на него и делает глоток чаю.

Два человека встают и выходят, а третий передает трубочку рисовой бумаги обернувшейся к нему Мей-хуа.

— Здесь все укрепления двенадцатого района. Можете совсем уходить.

— Почему не пришел Лао Ма? — спрашивает Мей-хуа, засовывая донесения в бамбуковую палочку.

— С ним случилось несчастье... Всех, кто строил укрепления, расстреляли.

Мей-хуа сидит нагнувшись. Она прячет под стельку бамбуковую палочку, поднимается, берет чашку и делает глоток.

Потом она говорит: «До свидания, Чжан», и они с Сяо Гуем выходят из фанзы.

В дверях появляются прежние два человека, и все втроем смотрят вслед ушедшим.

Мей-хуа и Сяо Гуй заходят в закоулок, и Мей-хуа достает из-под стельки трубочку с донесением.

Она передает ее Сяо Гую, стоящему настороже, выходит, не оглядываясь, из тупичка и идет по улице.

Сяо Гуй выходит погода и идет по другой стороне.

...Появляется жирный Ван Ю-фын с полицейскими. Полицейские входят в фанзу.

Ван Ю-фын замешкался и посмотрел в сторону.

Рот его раскрылся, шея вытянулась, и он медленно поворачивает голову, провожая кого-то глазами.

По улице идет Мей-хуа, тоненькая и стройная, и жирный Ван Ю-фын, закрыв рот, делает глотательное движение.

Мей-хуа идет прямо на нас. Она не оборачивается, потому что слышит сопение приближающегося Ван Ю-фына.

Ван Ю-фын протягивает руку и кладет ее на плечо Мей-хуа.  
Мей-хуа вздрагивает и останавливается.  
Она медленно оборачивается и видит растерянно ухмыляющуюся физиономию Ван Ю-фына.  
Мей-хуа с отвращением кривит губы и выдергивает плечо.  
Ван Ю-фын хватает ее за рукав и, вытаращив глаза, истошно свистит в полицейский свисток.  
Сяо Гуй бросается с противоположной стороны улицы на помощь.  
Но Мей-хуа видит его через плечо Ван Ю-фына и с ужасом кричит:  
— Уходи!.. Уходи!..  
— Нет, я не уйду, Мей-хуа,— говорит Ван Ю-фын и продолжает свистеть.  
Сяо Гуй идет по улице. Он слышит, как за его спиной прекратился свист, слышит топот полицейских ботинок, и глаза у него страшные.

Камера тюрьмы.  
Прикованные к стене, сидят на корточках заключенные.  
Их лица внезапно освещаются — открылась дверь, и в камеру вталкивают Мей-хуа.  
Ее приковывают к свободной цепи.  
— Поживи здесь немножко,— говорит Ван Ю-фын.—А чтобы тебе было, о чем подумать перед допросом, я тебя немножко огорчу. Я давно читал русскую газету, и там было написано, что майор Василий Чоботов спасал венгерскую девушку и был убит после этого; он был очень храбрый.  
Мей-хуа вздрагивает.  
— Спасибо тебе, Ван Ю-фын. Я теперь тебя совсем не боюсь.  
— Посмотрим,— растерянно произносит Ван Ю-фын и уходит опозоренный.  
Мей-хуа садится на корточки у стены и закрывает лицо руками.

Начинаются позывные: «Широка страна моя родная...».  
С годами нас будет все меньше — нас, которые видели этот день своими глазами. Так пусть каждый сохранит для людей хоть сколок этого великого дня.  
Сделать это трудно потому, что дни съедают память, и тускнеют видения тех лет.  
Но сердце помнит. Оно не забудет никогда.  
Вдруг ночью заколет, защежит сердце... Откроются глаза души, и ты вспомнишь этот день.  
Это было в Москве...  
Девятый день мая сорок пятого года... День ликования...  
Вы, люди, которые! будете жить при коммунизме, знайте: не вы видели его первый день, а мы...  
И если захотите вы узнать, как это было...  
Отворите стальные сердца хранилищ...  
Выньте черные рулоны старой пленки... И смотрите...  
Смотрите в глаза толпе, которая пережила это счастье...  
Когда все люди были, как один человек.  
(Вот стоит, колыхается толпа у Мавзолея.)  
Когда все сердца были, как одно сердце.  
(Вот в толпе обнимают своих солдат и солдат союзников.)  
Когда все руки были, как одна рука...  
(Вот одна большая мужская рука накрывает маленькую женскую.)

...Надя поднимает лицо и смотрит во влажные глаза Василия.  
— Что, Вася?  
— Наденька... ты... выйдешь... за меня замуж?  
— Да, Вася... да...— говорит Надя.  
Наступает невиданная ночь.  
И все горячее и стремительнее мчится жизнь этого сказочного города.  
Слышишь тяжелые удары?... Говорят, это салюты! Не верь!  
Это бьется сердце столицы мира.  
Видишь, при каждом ударе медленно расцветает огнями ночное небо!  
Слепые души говорят, что это ракеты... Не верь! Это жар-птица уронила над Москвой-рекой золотое перо счастья.  
Рассвет.  
Гаснут фонари.  
Пустеют улицы, и становится тихо.  
По Москве идут Василий и Надя.  
Они идут под руку, и лица у них спокойные и красивые.  
Они поднимаются по лестнице мимо неподвижного лифта, и на каждой лестничной площадке сквозь переплеты окон перед ними открывается Москва.  
Они входят в переднюю пустой квартиры, подходят к большому окну, и Василий обнимает за плечи Надю. Молча глядят они в окно.  
Вот когда прекрасна Москва.  
Она спит в сиреновой глубине, и профили ее домов печатаются на фоне зари.  
За дверью раздается характерное гудение.  
— Кто это на лифте катается в такую рань? — говорит Василий.  
Надя прислушивается.  
Гулкий удар железной двери лифта... Шаги...  
— Неужели к нам? — недоумевает Надя.  
Звонок в дверь, громкий и требовательный.  
Василий смотрит на Надю.  
Надя идет в переднюю.  
— Папа! Па-апа!  
— Здравствуй... Здравствуй... Здравствуй, доченька...  
— Генерал! — кричит Василий и кидается к дверям.  
Двери широко распахиваются и быстро входит генерал, принимая в объятия кинувшегося к нему Василия.  
Генерал берет двумя руками его голову и смотрит ему в глаза с нежностью.  
— Что, Васька? Победа?  
— Победа,— отвечает Василий, и они опять целуются.  
— Как я рад, что застал вас обоих. Я ведь на несколько минут...  
— Как?! Почему?  
— Дивизию свою на отдых отправляю... Ну, дай я посмотрю на все... Запах знакомый. Сколько лет я не был здесь... Черт возьми, даже книги на старых местах!.. Спасибо, доченька... Сколько я еще не дочитал, сколько не доучил... Книги вы мои, книги...  
Генерал ставит и вынимает книги с полки.  
— Вот термодинамика, вот «Божественная комедия»... А вот японский словарь... Пойдем, Надя, поможешь собраться...  
Генерал идет к двери другой комнаты и слышит, как Надя говорит за его спиной:  
— Посиди здесь, Вася, сейчас придем.  
— Хорошо, Машенька,— отвечает Василий.  
Генерал входит в комнату и поджидает Надю.

— Надя... ты за него замуж выходишь? Верно я понял?  
— Да, папа.  
— Ты неправильно поступаешь, дочка.  
— Правильно, папа.  
— А ведь он тебя Машенькой называет.  
— Он случайно оговорился.  
— Ты сама в это не веришь, Надя...  
— Пусть... Мне все равно...  
— Ты себя губишь. Я тебе, конечно, запретить не могу, но я против, и я сержусь на тебя. Ничего хорошего из этого не выйдет. И он счастлив не будет... Это не такой человек... Ведь это же мой сын... Это мой друг.

— Я не знаю... Я только знаю, что не могу больше этого видеть... Это несправедливо, чтобы он мучился всю жизнь... Я не буду счастлива, если не исправлю этого, как умею... Это несправедливо... Ведь столько лет, столько лет! Нет, если он меня позвал, я могу сказать только одно слово: да. Если ему это нужно, пусть так и будет.

Генерал садится на кровать, берет пачку папирос, закуривает, опустив голову. Затем поднимает голову и говорит твердо и хмуро:

— Ладно, ты права...

Надя смотрит на дверь.

А за дверью, у стола, сидит Василий. Сидит ровно и тихо, положив руки на колени. Потом он кладет правую руку на стол, опускает голову, и пальцы его руки, чуть шевелясь, катают крошку на столе.

Но вот в коридоре слышны шаги и голоса.

Рука Василия становится упругой, пальцы бодро постукивают по столу, и сам он твердо и весело смотрит на входящих Надю и генерала... но вторая рука его стиснула колено, и ногти — белые.

— Ну, ребяташки мои, друзья мои,— весело говорит генерал,— давайте прощаться.

— Нет-нет, мы тебя проводим до вокзала.

— Не нужно, мы не на вокзале стоим, а на окружной дороге. До нас добираться трудно.

Василий смотрит на генерала.

— Ну что ты говоришь, папа?.. Мы едем с тобой, конечно!

— А!.. Ну ладно, поехали.

Все направляются к дверям. Василий пропускает генерала и Надю, и взгляд его останавливается на полке с книгами. На том месте, где стоял японский словарь, зияет пустота...

На железнодорожных путях стоит эшелон, и сонно попыхивает паровоз, отдыхая перед дальней дорогой. А стальные, блестящие дороги, растолкав путаницу стрелок, будок и водокачек, стремительно убегают к горизонту.

— Ну давайте попрощаемся, друзья. Дальше не ходите,— говорит генерал.— Расстаемся мы с вами не надолго. Желаю вам счастья. Скоро увидимся.

— Я поеду с вами,— голос Василия звучит напряженно. Он смотрит генералу прямо в глаза.

Надя, резко повернув голову, удивленно глядит на Василия и отца.

— Ты не очумел ли, друг Василий,— спокойно спрашивает генерал.

— Я поеду с вами.

— Не говори глупостей, жених! Вот что.

— Я поеду с вами на Восток,— повторяет Василий.

— Молчи... болван... Не серди меня, старика... Давайте-ка попр-

щаемся подобру-поздорову. До свидания, доченька. Держи в руках этого шалопаю.

Генерал целует Василия, Надю и уходит к эшелону.

— Вася... почему ты думаешь... что они поехали на Восток?— запинаясь, говорит Надя.

Василий смотрит на нее отчаянными глазами.

— Ты думаешь, он поэтому взял японский словарь?

Василий молчит.

— Тебе очень хочется ехать, Вася?

Василий молчит.

— Вася... не сердись... Но ведь Машенька умерла... И ты ведь... ранен.

Василий молчит.

— Хорошо... поезжай...

Василий берет руки Нади и прячет лицо в ее ладонях.

Потом отпускает ее и бегом бежит за эшелон, который, набирая скорость и окутываясь паром, движется в сторону рассвета.

Вот Васька, перепрыгивая через шпалы, догоняет последний вагон и бежит рядом с ним, пытаясь вскочить в него. Из вагона протягиваются руки и втаскивают Ваську.

Облупленная стена.

Прислонившись к стене, поджав одну ногу и вытянув в сторону другую, сидит Мей-хуа. Глаза ее закрыты. Перед ней на полу гнилая селедка и стакан воды, до которого она не может дотянуться, так как прикована к короткой цепи. Такие же цепи висят рядом на крюках. Но людей уже нет...

...Топот ног. Ругань. Команда. По полу протаскивают тяжесть. Лицо Мей-хуа освещается. Она открывает глаза и видит, что в камеру охранники втаскивают окровавленного связанного человека и швыряют его в угол.

Потом входит Ван Ю-фын.

Ван Ю-фын улыбается. Во рту у него жирно сияет золото, застрявшее между зубами.

— Мей-хуа, я пришел обрадовать тебя. Я прекрасно говорю по-русски, но я гораздо плохо знаю русскую грамматику. Я неправильно прочел газету, где написали про Василия. Но я правильно прочел теперь, и я говорю тебе, что Василий жив.

Мей-хуа молча смотрит на него, и глаза у нее мертвые.

— Ты, наверно, думаешь, что я опять неправильно прочел? Поэтому я захватил газету.

Мей-хуа молча смотрит на него.

— Отвяжите ее. Теперь это можно.

Охранники отвязывают ее.

— На, прочитай. Ты тоже прекрасно читаешь по-русски.

Мей-хуа опускает глаза вниз и видит советскую газету.

А в газете этой написано: «За проявленную отвагу майор Василий Чоботов награжден орденом «Красного Знамени».

Маленькие руки вырывают газету — и раздается крик. Это вскрикнула Мей-хуа, как струйка воды взвившись с пола. Она стоит у стены, прижав к сердцу газету, и в глазах ее счастье.

— Вот видишь, как ты обрадовалась,— говорит Ван Ю-фын.— Вообще теперь у тебя гораздо улучшится положение и жизнь твоя станет совсем счастливая. И сейчас, когда ты наслаждаешься счастьем, я скажу

тебе еще одну радость... Японская армия движется к границе, и поэтому потребуется очень много девушек, которые незаразные, потому что японские офицеры очень чистоплотные люди...

Мей-хуа цепенеет.

— Вот эту красивую шелковую черную одежду ты наденешь вместо тюремной и будешь отправлена в храм небесной радости двенадцатого района.

Мей-хуа отступает в угол, в ужасе оглядываясь по сторонам. Она прижимает к сердцу газету и шепчет:

— Нет... Нет...

— Почему — нет? — спрашивает Ван Ю-фын.— Может быть, ты стесняешься этого русского летчика? Это неправильно, потому что сегодня его расстреляют. Переодевайся, пожалуйста.

С детским судорожным плачем Мей-хуа падает на колени и ползет к Ван Ю-фыну. Она поднимает голову — и видит перед собой оскаленную пасть хищника. Закрыв глаза руками, Мей-хуа падает лицом на пол.

— Вот видишь, Мей-хуа, ты не захотела стать женой уважаемого человека, и теперь ты станешь куропаткой. Ты смеялась надо мной всю жизнь, и теперь я смеюсь над тобой, а плачет Василий. Ты хотела возвыситься надо мной, и теперь лежишь униженная, и ты грязь у моих ног. Ты хотела стать выше меня, и вот теперь я наступаю ногой на твою голову. Вот место женщины и вот место мужчины, и так было от века и никогда не будет такого, чтобы мужчина лежал у ног женщины. А теперь я уйду.

— Гад! — хрипит летчик.

— Молчи, труп,— говорит Ван Ю-фын. Он хлещет его наручниками по лицу и выходит.

Мей-хуа встает. Она берет газету. Еще раз читает дорогие строчки и улыбается сквозь слезы.

Она подходит к стене и снимает цепь. Она снимает вторую цепь и начинает делать из них петлю.

— Девушка... не нужно этого...— останавливает ее летчик.

Мей-хуа приделывает петлю к крюку.

— Товарищ... не надо...

Мей-хуа надевает петлю на шею.

— Слышишь... ты!..— яростно говорит летчик.— Я крикну!

Мей-хуа подходит к нему, улыбается, гладит его по лицу и говорит:

— Позволь мне уйти... Ведь ты же слышал, что хотят со мной сделать?... Я очень тебя прошу...

— А разве у тебя все счета закончены на этой земле? Разве ты убила своего последнего врага?

Входят стражники и развязывают его.

— Разве может кто-нибудь убить себя сам, когда они остаются живыми?

Стражники тащат его к дверям, но он бьется в их руках.

— Надень эту одежду и рви им глотки! За себя! За Василия! За меня! — кричит он.— Надень эту одежду!.. Я все слышал... Я все понял...

Стражники бьют его, но он застрял в дверях.

— Рви им глотки, девушка! — кричит погибающий советский летчик.

Его выволакивают в коридор.

Мей-хуа смотрит вслед...

Раздаются звуки патефона и выстрелы.

Открылась дверь. Опять входит стражник и вешает наручники на свободный крюк на стене. Потом он выходит.

Мей-хуа берет черную шелковую курточку, надевает ее, становится у стены...

Прислушивается.  
Раздается гул и тяжелый удар... Еще один...  
Мей-хуа смотрит вверх в тюремное окно.  
В окне точки самолетов.  
... И мы видим небо, покрытое тучей самолетов с красными звездами на крыльях.  
Это летит смерть — и это летит спасение.  
Это летит месть — и это счастье.  
Оно несет грохот бомбежки — и оно же раскалывает застенки...  
Стихает чудовищный грохот, и пыль садится на землю.  
Из груды обломков и щебня поднимается Мей-хуа.  
Шатаясь, она пробирается через развалины крепостных казематов, держась руками за искаженные стальные фермы, за дула тяжелых пулеметов, за перевернутые колпаки дотов.  
Она выбирается в город и садится на ступеньку на пустынной улице.  
Поднимается и идет вдоль по пустынной улице — маленькая точка — и пропадает в лучах рассвета.

Пустынный город.  
Пустынное шоссе.  
Дорога у сопок.  
Пыльная придорожная трава.

Медленно въезжают танки в молчаливую страну.  
Разбитый японский дот.  
Буддийский монастырь.  
Асфальтовое шоссе, но драные крыши фанз.  
Каменные кирпичные стены. Из-за них торчат длинные черепичные крыши.  
Поднимается солнце.  
В узкую пыльную улицу медленно въезжают танки.  
Над стеной осторожно показывается голова — выглядывает китаец.  
Широко открывает глаза... Секунду неподвижно смотрит... потом истошно кричит и скрывается за стеной.  
Распахиваются ворота, и из ворот вываливает неистовая толпа жителей.  
У настороженных автоматчиков светлеют лица.  
Люди бегут к танкам, затем бегут мимо танков туда, на окраину городка, где сейчас происходит неопишное — входит советская пехота. Она идет усталая и могучая. Она несет на своих плечах пять лет войны, и слава ревет в серебряные трубы за ее пыльными плечами. Пять лет воевала она, тысячу восемьсот двадцать пять дней. Тысячу восемьсот двадцать пять раз ее убивали, и вот она идет, победившая, и народ Китая приветствует ее.

Из толпы отделяется советский офицер и сворачивает в знакомую нам улицу. Сопровождаемый жителями, он идет бледный, и глаза его широко открыты. Зачем он идет туда? Неужели Василий надеется найти на стене пакгауза старую надпись, сделанную мелом?

«Мей-хуа + Васька = любовь»... Но чудес не бывает... На старом месте нет такой надписи. Там нет и пакгауза. На старом месте развалины японского дота. Конечно, чудес не бывает, и Василий возвращается назад в сопровождении притихших китайцев, и на лице у него такая усталость...

Он идет по улице, где у каждого ворот, у каждой калитки стоят бочки с водой. Это единственное, чего не отняла полицейская саранча у народа, и это сейчас нужнее всего солдатам, которые пьют, пьют и все напиться не могут.

Бойцы пьют из кувшинов, ведер и чашек, и люди, глядя на них, улыбаются и плачут.

Мей-хуа дает бойцам пить.

Один боец... другой...

Мей-хуа наклоняется набрать воды.

Измученный, проходит Василий.

Мей-хуа поднимается — он смотрит в другую сторону.

Она дает ему пить. Он пьет, не глядя.

Она всматривается в него и берется рукой за горло...

— Вася...

Он роняет чашку... Осколки...

— Машенька! — хрипло кричит Василий и рвет воротник гимнастерки.

Оборачиваются бойцы.

Василий с рыданиями рушится на колени, обнимая ноги Мей-хуа.

— Машенька!.. Машенька!..

Резко и наискосок аппарат снижает точку зрения.

И с плавным и могучим стоном труб Мей-хуа возносится на фон неба.

Она наклоняется к Василию... Она пытается приподнять его голову...

Слезы катятся у нее по щекам... Ветер треплет ее черную курточку... Но

Василий все рыдает, судорожно обнимая ее ноги, и все твердит:

— Машенька... Машенька...

Жирный Ван Ю-фын выбегает из толпы, но автоматчик поднимает автомат, и Ван Ю-фын кидается обратно.

Второй автоматчик поднимает автомат в воздух.

Третий автоматчик...

Треск автоматов... Неистовое лицо солдата, который кричит:

— Мир! Мир!.. МИР!.. МИР!!

Идут бойцы... идет великая пехота...

Она идет по пыльной дороге. Ее приветствуют крестьяне Китая. В рядах ее идет Василий, обнимая за плечи Мей-хуа. Они смотрят в лицо друг другу, и им сейчас трудно идти в ногу, но это ничего. Ведь они так долго ждали друг друга. Впрочем, они ждали друг друга не больше, чем земля ждала мира. Не больше, чем люди ждали любви между народами. И эта великая любовь близится... Нет, надо сказать не так... Эта великая любовь грядет. Она так же неизбежна, как этот рассвет. И сердца этих двух есть капелька грядущей этой любви. И пусть они теперь побудут наедине... Они так и делают... Они сворачивают на свою тропинку и идут по высокой траве, глядя друг другу в лицо. Но трава становится все выше, и тогда Василий берет на руки свою Мей-хуа... Он несет свою девушку-песню по груди в высокой траве в блеске солнечного утра, в крике ласточек, обвеваемый свежим ветром. Но трава становится все выше и она скрывает их...



(стр. 120)

•  
Художественный совет студии имени М. Горького в апреле обсудил сценарий «Баллада о счастливой любви» — первый сценарий молодых авторов М. Анчарова и С. Вонсевера. Фильм по этому сценарию будет снимать режиссер С. Рос-тоцкий.



**"Маньчжурия"**  
**(из живописного наследия М.Анчарова)**

Электронную версию подготовил Ю. Ревич, 2015 год  
<http://ancharov.lib.ru/>